

© Валери Мунт

Читая между строк: Фредерик Роуз и советская этнография во время Холодной войны (микроистория)

Ключевые слова: Фредерик Джордж Годфри Роуз; советская этнография; ГДР; марксизм-ленинизм; антропология; холодная война; Даниил Давыдович Тумаркин; Коммунистическая партия Австралии (КПА)

В этой статье рассматривается академический «жизненный путь» антрополога-коммуниста Фредерика Джорджа Годфри (Фреда) Роуза (1915–1991), биография которого была опубликована в 2015 г. Она написана в виде микроистории академической среды социалистических стран, частью которой был Роуз во время холодной войны в 1956–1989 годы. В свете недавних публикаций в России стали более понятны направления, по которым развивалась советская этнография в то время, и возникли новые вопросы о некоторых архивных пробелах и пропусках в документах Роуза. Недоверие и слежка были широко распространены в советских академических учреждениях, поэтому, будучи чужаком с Запада, Роуз использовал «тактический» подход, чтобы совместить академическую карьеру с личной преданностью марксизму в условиях коммунистической диктатуры, где официальной государственной идеологией была доктрина, известная как «марксизм-ленинизм».

Введение

Советский этнограф Даниил Давыдович Тумаркин в воспоминаниях, которые он опубликовал (на русском языке) в 2018 г., за год до своей смерти, воздал должное своему другу и коллеге-антропологу Фредерику Джорджу Годфри Роузу (1915–1991)¹.

Валери Мунт, Колледж гуманитарных наук, искусств и социальных наук, Университет Флиндерса, Аделаида, Австралия. valerie.munt@flinders.edu.au. <https://orcid.org/0000-0003-2420-748X>.

Для цитирования: Мунт В., Читая между строк: Фредерик Роуз и советская этнография во время Холодной войны (микроистория) // Антропологии/Anthropologies. 2022. № 2. С 87-128. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2022-2/87-128>

¹ С начала 1970-х годов Роуз передал разрозненные коллекции своих документов в Библиотеку Митчелла — Государственную библиотеку Нового Южного Уэльса. Он специально выбрал именно ее в качестве будущего хранилища своих работ, а не Лейпцигский музей в бывшей ГДР. Небольшая часть работ написана на немецком языке, хотя Роуз так и не овладел этим языком. Все письма и черновики, упоминаемые здесь, взяты из некаталогизированной коллекции «Бумаги Роуза» (англ. «Rose Papers»), если не указано иное.

Фредерик Роуз прожил большую жизнь и вписал свое имя в историю науки. Он принадлежал к плеяде выдающихся ученых второй половины XX в., сочетавших научные исследования с борьбой за осуществление общественных идеалов, которые представлялись им справедливыми. <...>. И хотя многие западные ученые не разделяли его концепций, он пользовался всеобщим уважением как один из крупнейших австраловедов, как исследователь, обладающий редкой способностью рассматривать факты под новым углом зрения и высказывать по ним оригинальные суждения. (Тумаркин 2018: 649, 636)².

До публикации в Австралии биографии Фредерика Роуза под названием «Красный профессор: жизнь Фреда Роуза во времена холодной войны» (Monteath, Munt 2015) мало изученные в то время расхождения между этнологиями стран Восточной Европы и антропологией, преимущественно британского образца, Западной Европы (Саро 2014: 51) усложняли понимание наследия Фреда Роуза с позиций Советского Союза. Направления этой дисциплины в бывшем Восточном блоке оставались неясными. Некоторая информация, почерпнутая из воспоминаний Д.Д. Тумаркина (Тумаркин 2018) и других недавних русскоязычных публикаций, заставила задуматься о пробелах и пропусках в архивном фонде Роуза. Что они означают? Неужели Роуз скрыл некоторые фрагменты переписки с Д.Д. Тумаркиным и Академией наук СССР по политическим причинам? Никто не может точно ответить на этот вопрос³. И все же цель настоящей работы заключается, во-первых, в том, чтобы попробовать «читать между строк» и через опыт «чужака» с Запада исследовать то, какую роль крупные исторические силы или их взгляды играли на низовом уровне в университетских коридорах власти социалистического советского блока и, во-вторых, в том, чтобы переосмыслить академический опыт Роуза как марксиста в контексте советской идеологии.

Читая между строк

При написании научных биографий историка подстерегает множество ловушек. Грег Денинг размышлял над проблемой культурной ориентированности даже «научной истории»: «наши “представления” неизбежно в чем-то искусственны <...> история — это не просто прошлое. Это всегда рассказ о прошлом» (Denning 1996: 58–59). Таким образом, прошлое описывается дважды: сначала авторами документов или мемуаров, затем историком, который интерпретирует эти разрозненные фрагменты и выстраивает их в единое повествование. Проблема «использования архивов и злоупотребления ими» является здесь основной. Предлагаемые объяснения принятия тех или иных решений

² Благодаря доктору Рут и доктору Райнера Струве, которые перевели все отрывки из труда Д.Д. Тумаркина для данной статьи.

³ Несмотря на то что Д.Д. Тумаркин ссылается на свой «личный архив, в котором сохранилось более 100 писем от Фреда, Эдит и других членов его семьи; множество писем от коллег из ГДР о профессоре Роузе, а также более 30 его писем Фреду и его семье», большая коллекция личных писем Д.Д. Тумаркина не была обнаружена автором настоящей статьи в каталогизированном (в то время) архиве «Rose Papers», хранящемся в Государственной библиотеке Нового Южного Уэльса. В ящике № 24 (англ. Box 24) находились 2 страницы печатного текста на русском языке [Роуз не умел читать по-русски] с приложенной карточкой Д.Д. Тумаркина (Институт этнографии Академии наук СССР). Было найдено несколько официальных писем на бланке Академии наук (некоторые папки после распада ГДР остались непрочитанными).

часто скрывают истинные причины. Открытие архивов требует осторожной интерпретации, учитывая, что они могут раскрыть не все (*Drachewych, McKay* 2019: 21–22). Шейла Фицпатрик обращает внимание на преобладание «архивного фетишизма» в переоценке истории сталинизма в 1970-х и 1980-х годах. Мы не должны забывать, что «сохранились не все документы и далеко не все было зафиксировано на бумаге» (*Fitzpatrick* 2008: 682–704).

Красный профессор

Роуз, получивший специальность ученого-антрополога в Кембриджском университете, в 1938 и 1941 г. провел самостоятельные полевые исследования среди традиционного общества аборигенов (именовавшихся тогда «ингура») на острове Грут-Айленд в заливе Карпентария. К своему удивлению, он обнаружил процветающую и здоровую общину, а не «вымирающую расу», существовавшую в воображении колонизаторов. Эта полевая работа легла в основу его классического исследования систем родства (*Rose* 1960). Разочаровавшись в общепринятом генеалогическом методе (*Rivers* 1900) «картографирования» родства, Роуз в начале своей карьеры попал под влияние молодого радикально настроенного врача из Мельбурна по имени Алек Джолли, который служил в Бруме (Западная Австралия) (А. Джолли вместе с Роузом активно боролся за защиту прав рабочих-аборигенов. См.: *Hess* 1946). Он познакомил Роуза с работами Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» (1887) и Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884). Вместе они изучали работы Энгельса в поисках метода исследования, который помог бы сформулировать научные эволюционные диалектические обобщения для природы⁴. Исследуя практически неизученные «популяционные законы» путем изучения австралийских правил родства, они, несомненно, смогли бы продемонстрировать законы Дарвина, имеющие «определяющее значение для теории происхождения видов» (*Engels* [1877] 1969: 86–87). Однако эти исследования дарвиновской теории Энгельса обернутся для Роуза «ахиллесовой пятой».

Роуз совместно с Джолли вступил в Коммунистическую партию Австралии (далее — КПА) в 1942 г., когда ее деятельность была признана законной (*Monteath, Munt* 2015: 75). Примерно в это время они впервые установили контакт с Советским Союзом⁵.

Роуз попал за «железный занавес» в 1956 г., после того как его мечта

⁴ См. Маркс — Энгельс: «<...> из всех выдающихся ученых XIX века, оставивших нам столь богатое наследие, мы особенно благодарны Чарльзу Дарвину, открывшему нам путь к эволюционному, диалектическому пониманию природы». (Цит. по: *Conner* 1980).

⁵ «ТАСС в Президиум Академии наук СССР, 31 июня 1943 г.: Прилагаю рукописи двух радикальных австралийских ученых Джолли и Роуза и их письмо, адресованное в «Институт примитивной первобытной социологии» Академии наук СССР. Мы получили материалы через нашего корреспондента в Австралии с письмом, в котором он пишет, что Джолли и Роуз «доказывают правильность марксистской доктрины первобытного коммунизма на основе своих исследований туземцев в Австралии» (глава справочной редакции Института информации ТАСС А. Шубников): «Джолли и Роуз попытались представить полную схему эволюции первобытного общества и проследить изменения в брачно-гендерных отношениях, экзогамии, ранних стадиях семьи и терминологии родства. Исследователи подчеркивают свое согласие со взглядами Льюиса Моргана, «величайшего из всех антропологов», и ведут полемику с его критиками из реакционного лагеря». Видный советский этнограф С.А. Токарев (1899–1985), будучи их рецензентом, заявил, что авторы «с точностью продемонстрировали, как именно могли возникнуть древнейшие экзогамные группы и первобытные братства или, как говорят сами авторы, родословные. Это произошло путем слияния двух первоначально независимых сообществ» (ТАСС, 31 июня 1943 г.) [информация предоставлена русскоязычным рецензентом].

об академической карьере в Австралии была разрушена в результате вызова в Королевскую комиссию по шпионажу, за которым последовала высылка двух советских дипломатов — Владимира и Евдокии Петровых, действительно бывших профессиональными агентами МГБ (*Rudnischki* 2013, цит. по Тумаркин 2018: 633) и давших показания о советской шпионской деятельности в Австралии. Хотя никаких доказательств против Роуза не было представлено, его репутация была подорвана (*Monteath and Munt* 2015: 142–159). Опасаясь худшего, Роуз уже в 1953 г. отправил жену и дочерей к их родне в Берлин, не будучи уверенным, что им когда-либо удастся вернуться в Австралию.

1956 год стал поворотным пунктом в истории холодной войны; это был год Венгерского восстания⁶ и, что особенно важно, в этом году Никита Хрущев выступил с «секретным докладом». Однако, несмотря на хрущевскую «критику», сталинский «Великий план преобразования природы» (*Josephson* 2016: 11), оказавший глубокое влияние на все советские научные дисциплины, предусматривал, что задачи этнографов и ученых в СССР будут в основном подчинены идеологии — так же, как это должно было быть во время холодной войны и правительственных репрессий эпохи маккартизма на капиталистическом Западе (*Price* 2004).

В 1959 г. после успешной защиты докторской диссертации Роуза назначили профессором Института этнографии при Берлинском университете им. Гумбольдта; он также стал директором этого института. Точно не известно, как он смог сделать столь стремительную карьеру, но его тесть Ричард Линд, патентный поверенный с международной репутацией и известный антифашист, использовал официальное письмо профессора Петера Штайнигера, которое, возможно, оказало определенное влияние. Штайнигер был одним из авторов конституции ГДР и до 1970 г. занимал должность профессора кафедры международного права в университете им. Гумбольдта. Однако, согласно Тумаркину, назначение Роуза на должность не одобрило большинство сотрудников института (*Тумаркин* 2018: 639).

Роузу было нелегко откровенно писать своим австралийским товарищам-коммунистам о степени идеологического контроля, который царил в академических кругах социалистических стран: помимо желания представить свой переезд в ГДР в положительном свете, вездесущая цензура не давала ему это сделать. Именно поэтому его письма обходят этот сюжет молчанием. Одним из ключевых факторов академической стойкости Роуза стала его связь с единомышленником — российским этнографом, разделявшим его интерес к полевым исследованиям Океании, — Даниилом Давыдовичем Тумаркиным. Однако в академической среде расцветали профессиональная ревность, личные амбиции и группировки (*Barnett, Bielski* 1988: 81–82). Инакомыслие по-прежнему было недопустимо, и за этнографами постоянно следили, поскольку теоретические предпочтения помогали выявлять сторонников или врагов режима (*Alymov, Sokolovskiy* 2018: 5).

⁶ Согласно мемуарам Д.Д. Тумаркина, «<...> некоторые аспекты внешней политики СССР и всего «социалистического лагеря» были особенно не по душе Фреду. Он глубоко переживал, когда в 1956 г. советские танки подавили восстание в Будапеште» (См. Тумаркин 2018: 640–641). Однако в архиве Роуза не было обнаружено ничего, что указывало бы на то, что Роуз выступал против такой политики СССР.

Будучи убежденным коммунистом, Роуз несомненно хотел принять участие в развитии марксистской антропологии, однако не всегда было понятно, как он сможет воплотить это в жизнь с учетом политически обусловленных направлений деятельности академических институтов социалистического блока и идеологического надзора, который действовал в рамках определенных дисциплин (*Krekovič, Bacá* 2013: 261). Как объясняет С.В. Соколовский: «исследовательские области, включаемые в предмет антропологической дисциплины, и их иерархия менялись под сильным влиянием идеологических и партийно-номенклатурных факторов» (*Sokolovskiy* 2011: 137). Н. Гингрич также ясно дал понять, что «доминирующим направлением в развитии социальных и исторических наук ГДР было идеологическое искажение в угоду существующим в Восточном Берлине и Москве режимам <...>» (*Gingrich* 2005: 147). Однако на английском языке имеется мало исторических источников, показывающих, как работала эта система на микроисторическом уровне. Данная статья — попытка пролить свет на ежедневную работу этих «режимов».

Фредерик Роуз в Кембридже. 1936 г.

Фото из архива семьи Роуз

Послевоенная советская наука: новые направления

После Великой Отечественной войны (1941–1945) советские этнографы отказались от длительных полевых выездов, игравших важную роль в прежней концепции советской этнографии (*Kan, Arzyutov* 2017). Роуз шел не в ногу с этими новыми веяниями. Кроме того, его проблемами были языковой барьер и запрет правительства Австралии на продолжение начатых им в этой стране полевых работ (*Munt* 2011: 109–129). Еще одна трудность заключалась в поддержке связей с некоторыми антропологами на Западе, чьи работы были ближе его собственным теоретическим интересам. Новаторская полевая работа Роуза в Австралии по классификации родства и социальной организации (*Rose* 1960) шла вразрез с принятым статичным «структурно-функциональным» подходом ключевых фигур австралийской антропологии — А. Рэдклиффа-Брауна (1881–1955) и его «ученика» А. Элкина (1891–1979). Его интерес к родству, браку и социальной эволюции, сохранявшийся на протяжении нескольких по-

следующих десятилетий, был ближе ряду радикальных антропологов на Западе: Р. Лоуи (1883–1957), Л.А. Уайту (1900–1975) и Э. Монтегю (1905–1999), несмотря на то что советская этнография и британско-американская антропология все больше отдалялись друг на друга.

С.В. Соколовский подчеркивает централизованный характер российских академических исследований и объясняет, как «изменения, инициированные Коммунистической партией <...> могли привести к нападкам, а то и вовсе к смене руководства центрального научного учреждения» (*Sokolovskiy* 2017: 4). Ключевыми событиями, которые обозначили начало идеологических изменений и смену направления, были: речь Сталина в 1950 г., которая вызвала публичные дебаты в газете «Правда» по поводу «нового учения о языке» Н.Я. Марра (1865–1934)⁷; монографические исследования колхозов в 1950-е годы С.П. Толстовым (1907–1976), которые являются предметом исследования С.С. Алымова (*Alymov* 2011); переход к понятию «этнос» при Ю.В. Бромлее (1966–1989); попытки легитимизовать советский режим вплоть до середины 1970-х годов через критику «буржуазной идеологии» (*Sokolovskiy* 2017: 5). Более того, поколение советских этнографов получило подготовку по «Истории общественных форм» — обязательному предмету, который был основан на теории «линейного развития всех человеческих обществ». Этот предмет на какое-то время заменил курс традиционной «Истории» в учебном плане как в школах, так и в университетах⁸.

Идеологические сдвиги в советской этнографии, возникшие в ходе «культурной революции» 1928–1931 годов, когда «старая гвардия» в академической среде стала мишенью для репрессий (*Тумаркин* 2004; *Hiroki Takakura* 2006), некоторым образом отразились в хитросплетениях политики в академической среде ГДР и были осложнены институциональным послевоенным перераспределением власти и подозрительным отношением к иностранцам.

Как говорил мне Роуз, выражали недовольство <...> как пожилые специалисты, получившие высшее образование еще при Гитлере и едва терпевшие новую власть, так и несколько молодых этнографов, членов СЕПГ, которые, как и их партийные руководители во главе с Э. Хоннекером, в 1970-х годах считали, что руководящие посты должны занимать немцы, а не иностранцы, и осторожно дистанцировались от советской науки. Под их давлением Фред вынужден был в 1974 г. подать в отставку с поста директора, но не прекратил преподавание в Институте. По просьбе Роуза его назначили старшим научным сотрудником в лейпцигский Музей народоведения, которым руководил Вольфганг Кёниг, бывший аспирант С.А. Токарева⁹ (*Тумаркин* 2018: 638–639).

⁷ Эта дискуссия была вызвана публикацией Сталиным статьи «Марксизм и вопросы языкознания» в газете «Правда» (июнь 1950; 28 июля 1950).

⁸ С 1924 г. она была обязательным предметом в «идеологически» правильных университетах. Наиболее распространенным учебником той эпохи был «Очерк развития общественных форм» Павла Кушнера, описывающий четыре из них: первобытное общество, родовое общество, феодальное общество и общество эпохи торгового капитала (См.: *Alymov* 2014. P. 123).

⁹ Согласно рассказу Роуза, ему предложили должность в лейпцигском Музее народоведения, и он принял ее ради большей свободы для реализации собственных исследовательских интересов в Австралии (*Monteath, Munt* 2015: 266), но шансы Роуза вернуться в Австралию в его преклон-

Благодаря контакту с издателями журнала «Советская этнография», который начал вновь печататься после Великой Отечественной войны, там был опубликован отрывок из брошюры Роуза, написанной под псевдонимом «*Jagara*» от имени ЦК КПА. Статья вышла под заголовком: «Фридрих Энгельс, Льюис Морган и аборигены Австралии» («*Jagara*» 1946). В своем труде автор не только защищал теории Моргана и Энгельса (с небольшими оговорками), но и охарактеризовал официальную австралийскую антропологию как сборище «отсталых» этнографов «на последней стадии загнивающего империализма». Он также раскритиковал их нежелание помочь аборигенам.

Предисловие к статье Роуза написал С.А. Токарев (1899–1985). По его мнению, «ценность статьи заключалась в том, что ее автор развивал концепцию первобытного общества Моргана — Энгельса и защищал ее от ниспровергателей» (цит. по Тумаркин 2018: 631). Однако Токарев «мог согласиться не со всеми соображениями, изложенными в статье». Даже Роуз признавал, что «некоторые выводы Моргана и, соответственно, Энгельса, основанные на ограниченной и неточной информации, нуждаются в пересмотре» (*Там же*: 632). «Токарев пристально следил за зарубежной этнографической литературой и сообщил читателям, что что Джолли и Роуз еще в 1942 г. опубликовали в журнале «*Map*» краткое сообщение о некоторых аспектах социальной организации и систем родства австралийских аборигенов — фрагмент будущей статьи» (*Там же*; *Rose, Jolly* 1943: 44–87; *Rose, Jolly* 1942: 15–16)¹⁰. По словам Юты Морманн, в первые два десятилетия существования ГДР заимствования из советской этнографии и «принятие и дальнейшее совершенствование советских подходов в 1970-е и 1980-е годы, хотя и неравномерное/непоследовательное» были характерной чертой этого периода (*Mohrmann* 2005: 29), поэтому Токарев все же продолжал не доверять Роузу. Однако то, что он ориентировался на Моргана и Энгельса, казалось мудрым шагом в стремлении Роуза стать марксистским антропологом (см. *Engels* 1985: 29). Работа Энгельса была основана на записях К. Маркса и одобрена самим В.И. Лениным как «одна из фундаментальных работ современного социализма» (*Barrett* 1985: 13).

Фредерик Роуз на Грут-Айленд. 1938 г.

Фото из архива семьи Роуз

ные годы становились все меньше, учитывая то, что ему не удалось (несмотря на значительные усилия) оформить там пенсию по старости.

¹⁰ Работа евгеников часто была пронизана предрассудками в отношении расовых, этнических и инвалидных групп. Мать Роуза из всех сил старалась добиться публикации статьи сына, но, к сожалению, выбор именно этого кембриджского издания не предвещал ничего хорошего.

Сталинская критика

Что еще хуже, в 1946 г. Роуз невольно стал объектом «сталинской критики» (Munt 2010), о которой в Австралии узнали из журнала «*Communist Review*» (1945–1946), где была напечатана статья, переведенная из русскоязычного журнала «Под знаменем марксизма» (1943) (Leontiev 1945/1946) в том же году, когда вышла его полемическая статья под псевдонимом «Jagara» (Rose 1946).

Роуз неосознанно отошел от принятых сталинских догм, используя «биологический», а не «социологический» подход, потому что, вероятно, не знал о современных направлениях в советской идеологии¹¹. Предположение о том, что экзогамия сыграла решающую биологическую роль в успешной эволюции общества и что постепенное избегание кровосмесительных браков обеспечило выживание первобытных обществ, стало считаться «грехом», в котором его вынудили официально признаться и покаяться перед КПА (Jagara 1946: 46; Monteath, Munt 2015: 88) Munt 2010).

Позже Джек Бисли из КПА спрашивал Роуза, известно ли ему о «критике» в редакционной сноске к предисловию к книге Энгельса «Происхождение семьи» 1884 г., которая сводится к следующему: «Энгельс здесь допускает неточность, считая размножение вида наряду с производством средств существования причинами развития общества и его социальных институтов»¹² (эта сноска была опущена после XX съезда КПСС в 1956 г.).

Хотя в 1955 г. Роуз представил Центральному комитету КПА доклад, в котором пришел к выводу о том, что «Энгельс ошибался в отношении рассматриваемого вопроса и в философском плане совершил ошибку “дуализма”» (он процитировал Лысенко в своей аргументации), эта досадная «ошибка» не только станет источником неловкости для Роуза как теоретика КПА, но и будет мешать ему добиться успеха в качестве ученого-марксиста в социалистических странах. И хотя Роуз в итоге признал критику Сталина справедливой, а себя и Энгельса — виновными в использовании «эволюционного, а не диалектико-исторического метода» (Rose Papers, Rose’s ‘Lecture Notes’. Box 21), этот случай фактически положил конец его стремлениям стать значительной интеллектуальной фигурой в КПА¹³. Однако Роуз продолжал интересоваться теоретическими вопросами, которые возникали в тот период, и его более поздняя переписка свидетельствует о постоянном и убежденном стремлении исследовать связи между родством и браком как значимыми факторами в экономической и социальной организации традиционных обществ австралийских аборигенов¹⁴.

¹¹ «Jagara» выдвинул теорию о том, что по мере развития первобытного общества от его первоначального состояния всеобщей распушенности через введение брачных табу постепенно стало возможным устранить вредные последствия близкородственного скрещивания.

¹² Это так называемый «отход» Энгельса от исторического материализма в сторону роли биологии — (кровных уз) в социальной эволюции «первобытных» обществ. Упоминается в: (Levi-Strauss 1963: 345, сноска 48).

¹³ В 1955 г. Роуз подал статью в журнал «*Communist Review*» на тему «Брачные практики в Австралии в свете учения Лысенко» (англ. «*Australian marriage practices in the light of the teachings of Lysenko*»). Статья так и не была опубликована. Rose Memoir. 109 Box 1. Некалалогизированная коллекция «Бумаги Роуза». Государственная библиотека Нового Южного Уэльса.

¹⁴ Г. Мердок — Роузу в Берлине, 2 апреля 1958 года, на тему брака между двоюродными братьями и сестрами «<...> Это в целом подтвердит вашу гипотезу <...>» (Rose Papers, Box 34).

Лишь в 1956 г., спустя три года после смерти Сталина, Роуз наконец-то получил разрешение на въезд в ГДР, так что вполне вероятно, что он и не догадывался о масштабах предстоящих трудностей. Тумаркин пишет:

На первых порах после переезда в ГДР Роуз считал СССР страной победившего социализма, которая должна служить примером другим странам и народам. Он мечтал посетить нашу страну, чтобы ознакомиться со строительством новой жизни и наладить тесное сотрудничество с советскими коллегами, главным образом с сотрудниками ИЭ АН СССР. Вскоре эта мечта Фреда осуществилась, и он начал довольно часто приезжать в СССР. Близкое соприкосновение с советской действительностью не могло не повлиять на революционера-романтика (Тумаркин 2018: 641).

С 1930-х годов Сталин использовал этнографов для продвижения и подготовки республик и областей СССР к новой эре, в которой Россия была бы сверхдержавой (Kabo 1998: 215). Он без колебаний репрессировал и сажал в тюрьму любого ученого, стоявшего у него на пути. Однако недоверие Сталина к научным сотрудникам привело к трагическим последствиям, которые чувствовались вплоть до второй половины XX в. Академические исследователи и научные работники разных областей были переквалифицированы в «технических специалистов» и были вынуждены строго следовать «единой системе идей марксизма-ленинизма-сталинизма» (Service 2009: 318–319).

В 1948 г. такая наука, как генетика, была полностью и окончательно осуждена на официальном уровне (Joravsky 1970: 387). Этнографы были вынуждены отказаться от «биологических» теорий в своей дисциплине. Выдвигать теории об эволюции человеческого общества и природы стало опасным, поэтому многие этнографы просто сменили свою специальность на археологию или историю (Tolstov 1946), чтобы избежать греха «неправильности».

Понятие о том, что человеческие сообщества развиваются благодаря сотрудничеству, а не конкуренции, являлось базовым для коммунистической теории. Она представляла собой фундаментальный вызов социальному дарвинизму, который лежал в основе большинства антропологических теорий на Западе в тот же период. Именно поэтому интерпретация марксистской теории Энгельсом в его заметках о «Древнем обществе» Моргана (1877), где социальная эволюция связывалась с биологическим процессом воспроизводства вида, была похожа на детерминизм, неприемлемый в Советском Союзе.

Однако потребовалось некоторое время, чтобы новые тенденции в советской науке полностью укоренились в сознании австралийских коммунистов. Тогда еще не было понятно, «что после малейшей критики Сталина [советские коммунисты оказывались] в концентрационных лагерях» (Lessing 1998: 64). Поэтому на данном этапе Роуз «никак не мог видеть, что Энгельс ошибается, и, следовательно, сделал вывод, что «сталинская критика» была ошибочной» (Rose Memoir, коллекция «Rose Papers» 109 Box 1). Но КПА несла ответ перед СССР, поэтому в случае с Фредом Роузом и его «еретической» публикацией <...> он встал перед немислимой дилеммой, учитывая, что положение его жены и дочери в Берлине было нестабильно (Monteath 2010: 271–272).

В конце концов Роуз взялся за исправление своей теоретической «ошибки» в надежде получить разрешение на въезд в ГДР и работу в Берлинском университете им. Гумбольдта. Его друг и бывший протеже Питер Уорсли (1924–2013) наивно писал из Манчестерского университета и заверял «Фредди», что «готов выступить в роли рецензента [для докторской диссертации Роуза] и приехать, если потребуется <...> Я уверяю тебя, что я, разумеется, сделаю все, что от меня зависит, чтобы повлиять на назначение тебя на должность в Германии <...> Ты можешь сказать <...> что моя диссертация публикуется Австралийским национальным университетом <...> и что она непосредственно вытекает из твоей и включает полное признание твоей методологии <...> Ты понимаешь, что у меня все еще есть копии твоего двухтомного труда, а также папка с перепиской с Лоуренсом, Уайтом и другими <...> Брошюра, написанная «Jagara», вызвала здесь большой интерес»¹⁵.

В 2012 г. Питер Уорсли подтвердил, что «брошюра, написанная «Jagara», действительно оказала большое влияние на коммунистов, живущих в капиталистическом мире, включая меня <...> [но Фред] никогда не говорил со мной о своем участии в этой ереси» (электронное письмо П. Уорсли — П. Монтиту и В. Мунт 2012).

Тем не менее, из переписки Роуза с его женой Эдит (живущей в Берлине) становится понятно, что он был несколько наивен в отношении своего шаткого политического положения. Также был очевиден тот факт, что Роуз был крайне упрям и не хотел признавать, что его работы были «идеологически некорректны». В субботу 9 апреля 1955 г. (на Пасху) он написал Эдит: «В отношении меня не будет принято никаких решений до тех пор, пока вопрос идеологии, поднятый советской критикой Энгельса, не будет вынесен на обсуждение. Иногда я ужасаюсь тому, что я в это ввязался, но я абсолютно убежден в своей правоте и в ошибочности советской критики. Как бы то ни было, я готовлю заявление в качестве основания для дискуссии. Я подошел к вопросу кропотливо <...> Я проделал большую работу по изучению трудов Энгельса и Маркса. Однако во многих отношениях я не могу двигаться дальше из-за недостатка материалов. У меня даже нет «Происхождения [семьи]» в оригинале на немецком языке»¹⁶.

Он также отметил: «Я начал конструктивно критиковать партию здесь, ибо они (к ним, конечно, отношусь и я) несут особую ответственность в данном вопросе, так как социальная структура австралийских аборигенов — ключевой фактор в этом споре. Более того, допустить публикацию брошюры «Jagara» после первоначальной советской критики — это вопиющий пример отсутствия бдительности. Вся эта дискуссия должна была завершиться не сейчас

¹⁵ Питер Уорсли из Манчестера — Фреду Роузу в Сиднее, 11 января 1955 г. Семейный архив доктора Рут Струве. Питер Уорсли написал нам по электронной почте (П. Монтиту и В. Мунт) в 2011 году: «Брошюра, написанная «Jagara», действительно оказала большое влияние на коммунистов, живущих в капиталистическом мире, включая меня. [И] поэтому я с удивлением обнаружил, что в мае 1955 г. Роуз в 33-страничном «отчете» Центральному комитету КПА все еще извинялся за брошюру «Jagara», которая рассматривалась как часть ереси Энгельса. Конечно, Фред, которого я знал с 1951 по 1954 год, никогда не говорил со мной о своем участии в этой ереси».

¹⁶ Письмо Фреда Роуза (Воклюз, Новый Южный Уэльс) Эдит Роуз (Ф.Л. Нейман, Берлин) от 9 апреля 1955 года, любезно предоставленное Рут Струве, семейный архив.

<...> а в 1943–1944 гг. <...> необходимо тщательно изучить доказательства, как за, так и против <...>»¹⁷.

Но ставить под сомнение сталинскую интерпретацию Энгельса и Морган было совсем другим делом, и КПА была полна решимости «урезонить [Роуза]» (коллекция «*Rose Papers*», *Memoir: coll. «Rose Papers»*. 109 Box 1). К маю 1955 г. Роуз представил в КПА доклад на 33 страницах. Джек Бисли и Джек Легге снабдили его девятистраничным критическим приложением, в котором цитировали Маркса, Энгельса, Сталина, Мао, И.П. Павлова и историю КПСС, в качестве идеологической коррекции «доклада» Роуза (Beasley 01.05.1955. Колл. «*Rose Papers*»: Box 20)¹⁸. Пространная партийная критика выявила «ошибку» Роуза, заключающуюся в том, что он неправильно проследил «развитие производительных сил на каждой стадии развития человечества» у Энгельса. Роуз получил выговор за его «подход к работе Маркса и Энгельса, [который], на мой взгляд, по меньшей мере неуважителен», как писал Дж Бисли¹⁹. Был сделан вывод о том, что главная ошибка, вероятно, заключалась в том, что «из-за взглядов Энгельса Р[оуз] был вынужден искать в родственных отношениях причину развития общества и, как следствие, искать биологическую основу этих законов родства» (*Legge* 1955, коллекция «*Rose Papers*»: box 20)²⁰.

Среди «полезных последствий», предусмотренных заявлением Роуза, были:

(а) «Повторное исследование австралийских данных» с целью «определить рамки будущего исследования, если он лично не сможет его провести». (б) Он [Роуз] напишет редактору соответствующего советского журнала или другому лицу, возможно, по указанию Уорсли, с просьбой разъяснить моменты, поднятые советскими критиками, в виде письма для публикации либо в ином виде. (в) Он начинает учить русский язык и уже самостоятельно читает современную советскую литературу (*Legge* 1955. Коллекция «*Rose Papers*»: box 20)²¹.

Роуз наконец-то добился разрешения КПА покинуть Австралию (письмо Шарки — Социалистической единой партии Германии (Берлин), 16.01.1956)²².

¹⁷ Письмо Фреда Роуза (Воклюз, Новый Южный Уэльс) Эдит Роуз (Ф.Л. Нейман, Берлин) от 9 апреля 1955 года, любезно предоставленное Рут Струве, семейный архив.

¹⁸ Appendix F. Comments on Document (Submission) by Jack Beasley. 01.05.1955. Некаталогизированная коллекция «*Rose Collection*». Box 20. Государственная библиотека Нового Южного Уэльса. P. 28–32.

¹⁹ Appendix F by Jack Beasley. P. 28–30.

²⁰ Appendix E. Comments by Jack Legge on «Exogamy»: its Biological Significance in the Development of Primitive Society» & The Submission. P. 24.

²¹ Appendix E. Comments by Jack Legge on «Exogamy: It's Biological Significance in the Development of Primitive Society» & The Submission. Коллекция «*Rose Papers*». Box 20. Государственная библиотека Нового Южного Уэльса. P. 24–27.

²² См.: коллекция «*Rose Papers*». Box 15. Письмо от 16 января 1956 г. — в Социалистическую единую партию, БЕРЛИН (Германская Демократическая Республика): «Коммунистическая партия Австралии дала товарищу Роузу разрешение выехать за границу, и он покидает партию с хорошей репутацией. С наилучшими пожеланиями, с уважением, подпись: Л.Л. Шарки, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ [КПА]».

Несмотря на официальное заявление о раскаянии перед КПА, Роуз продолжал в частном порядке заниматься теоретическими вопросами, которые, по его мнению, имели важные последствия для создания эгалитарного социалистического общества. В 1957 г., находясь в Лондоне, он написал Уорсли: «<...> Я набросаю несколько заметок в качестве основания для дискуссии, пришлю их Вам, и тогда мы сможем встретиться и посмотреть, что можно сделать в отношении подхода Энгельса к вопросу о развитии самого раннего общества. Как подчеркивалось ранее, это не просто академический вопрос, которым занимаются только профессора университета, но и вопрос, у которого есть политические аспекты, особенно в отношении положения женщин в обществе!»²³ (Роуз — Уорсли, 11.09.1957. «Rose Papers». Вох 20.) [курсив мой].

Сталинские политические директивы оказали глубокое влияние на каждую отрасль науки в социалистических странах (Olšáková 2016). Более того, последствия «Сталинского плана» коснулись всех восточноевропейских социалистических стран (Josephson 2016: 27). И смерть Сталина «оказала непосредственное влияние на дебаты о социальной эволюции в целом и об этногенезе в частности, как в советской этнографии, так и в новой этнографии ГДР», создав неопределенность в отношении этапов, следующих за первобытным коммунизмом. Для многих постсталинское «освобождение» от пятиэтапной схемы социальной эволюции от первобытного коммунизма к классовому обществу оказалось «ударом в самое сердце марксистской исторической теории» (Noack, Krause 2005: 35–36). Центральное место в разработке директив для всех советских наук занимал Институт марксизма-ленинизма.

Фредерик Роуз с семьей Лиддл. Резервация Ангас Даунз (Angas Downs) 1980 г.
Фото из архива семьи Роуз.

²³ Письмо Фреда Роуза — Питеру [Уорсли] от 11.09.1957. Некаталогизированная коллекция «Государственная библиотека Нового Южного Уэльса».

Мизансцена: Институт марксизма-ленинизма

Марксизм-ленинизм стал подобием религии в СССР. Он расширял и использовал понятие сакральности через символические представления, которые в классическом марксизме встречались лишь в зачаточном виде (*Khazanov* 2008: 123). Институт несколько раз переименовывали со дня его основания в 1919 г. С 1952 г. его формальная принадлежность к Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза обозначалась расширенным названием «Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК КПСС». В 1956 г. на очень короткое время к названию института добавили фамилию ушедшего советского лидера Сталина, и он стал называться «Институт Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина при ЦК КПСС». Однако на заре десталинизации в том же 1956 г. фамилии Энгельса и Сталина убрали из названия. После «секретного доклада» Хрущева он стал «Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС». Это название оставалось неизменным вплоть до распада Советского Союза.

Ричард Линде, тесть Роуза, предложил тому попытаться обратиться за теоретическим руководством по вопросам «критики Сталина»: «Ты должен написать директору Института марксизма-ленинизма в Москве <...> Сделай это немедленно и отправь свою работу, которая обязательно произведет впечатление» (письмо господина Линде — Роузу, 14.05.1956)²⁴. Однако все письма Роуза остались без ответа, если, конечно, он действительно их отправлял (коллекция «Rose Papers». Box 34: 07.06.1956)²⁵.

Причина этого немного прояснилась с выходом статьи Кана и Арзютова, будучи студентами, учились по учебникам «Истории первобытного общества» и работам ее основоположника Льюиса Генри Моргана (1818–1881). Моргану было «отведено почетное место предшественника марксизма» (*Kan, Arzyutov* 2016: 200). Авторы объясняют, что американский историк антропологии и коммунист Бернхард Штерн (1894–1956) сделал целью своей жизни передачу копий всех неопубликованных работ Л.Г. Моргана из архива библиотеки Рочестерского университета в США в Институт этнографии в Ленинграде, что привело к созданию одного из крупнейших в мире хранилищ материалов, связанных с социализмом²⁶. Сбор материалов осуществлялся в основном при директоре Института Маркса — Энгельса Д. Б. Рязанове, старом большевике, который был арестован и расстрелян после сфабрикованного судебного процесса в 1938 г. по идеологическим причинам — возможно,

²⁴ Письмо «Фредди» от «господина Р» (рукописное) от 14.05.1956. Коллекция «Rose Papers». Box 34 (1). В Box 26 находится черновик недатированного рукописного письма на английском языке, адресованного директору Института марксизма-ленинизма (Москва), с просьбой предоставить копию или микрофильм заметок Маркса о работе Моргана «Древнее общество» (на немецком языке) за подписью F.G.G.R. (рус. Ф.Д.Г.Р.).

²⁵ Коллекция «Rose Papers», Box 34 (1). «ПРИМЕЧАНИЯ — от Фреда Роузу в Университет (07.06.1956). 17 положений. 1. «Мое имя в книгах университета значит уже почти девять лет <...> 10. Очевидно, Институт [марксизма-ленинизма] не будет или не может критически обсуждать ошибку Энгельса в «Происхождении семьи». Почему нет? Если они этнологи, они должны быть в состоянии внести какой-то существенный вклад в этот вопрос».

²⁶ Фонды института «насчитывали более 400 000 книг и журналов и более 55 000 экземпляров оригиналов и копий работ только Маркса и Энгельса, что сделало его одним из крупнейших в мире хранилищ материалов, связанных с социализмом» (*Kan, Arzyutov* 2016).

в связи с его работой, основывавшейся на марксистских теоретических концепциях, с которыми Сталин был не согласен²⁷. Ирония была уже в том, что известный американский «буржуазный» антрополог Л.Г. Морган приобрел культовый статус главного историка «первобытного общества» в марксистском институте²⁸, но еще большей иронией, согласно Кану и Арзютову, является тот факт, что архив Морган стал своего рода иконой или «фетишем», сохраняясь нетронутым (Kan, Arzyutov 2016: 151, 200). Однако связь Морган с работой «Происхождение семьи» Энгельса гарантировала, что Морган останется «более или менее «неприкосновенным» до распада Советского Союза» и не будет подвергаться серьезной критике (Kan, Arzyutov 2016: 201). А в собственном учебном заведении Роуза — в Берлинском университете имени Гумбольдта — была коллега, которая с готовностью использовала идеи Морган для продвижения в карьере. Ее звали Ирмгард Зельнов (1922–2010).

Ирмгард Зельнов

О Моргане и том влиянии, которое он оказал на Маркса и Энгельса, постоянно говорили в академических кругах бывшей ГДР, однако Роуза продолжало преследовать воспоминание о «сталинской критике», и, несмотря на его «извинения» и раскаяния, он никак не мог выбросить из головы эту проблему. В рядах его коллег появилась целеустремленная соперница, которая «позиционировала себя в центре марксистско-ленинской антропологии, провозгласив новую концепцию периодизации предьистории, применяя марксистско-ленинскую теорию» (Koffler 2019). Коффер описывает головокружительную карьеру Зельнов после того, как «утечка мозгов» из Восточной в Западную Германию в 1940–1950-е годы открыла ей путь к успешной академической жизни, в первую очередь благодаря влиянию одного из ее научных руководителей — влиятельного Вольфганга Стейница (1905–1967). Она окончила школу в 1947 г., после этого попала на подготовительное отделение (нем. *Vorstudienanstalt*) вновь созданного рабочего факультета (1945–1949), позже трансформировавшегося в рабоче-крестьянский факультет (нем. *Arbeiter-und Bauernfakultät*) (1949–1963) (в СССР его называли рабфаком)²⁹.

Несмотря на «антифашистскую, антибуржуазную и просоветскую политику, провозглашенную правительством ГДР», в стране в то время не хватало квалифицированных ученых, поэтому «ведущие партийные функционеры предпочли благосклонное сотрудничество со своими идеологическими врагами в академической среде», стараясь постепенно убедить их в «превосходстве социализма, а затем заменить их полноценными преемниками, прошедшими обучение в ГДР <...> С самого начала Зельнов участвовала в этом про-

²⁷ Время, казалось, предвещало увядание новаторской исследовательской работы по истории Коммунистического манифеста, «под все более плотным наложением марксистско-ленинского диалога» (см. Stedman Jones 1967: 24 Сноска 19).

²⁸ Классическая работа Морган «Древнее общество» (1877) была использована Энгельсом («Происхождение семьи, частной собственности и государства») для выдвижения теории о том, что при патриархальной капиталистической системе женщины были низведены до уровня: «прислуги и, по сути, проституток. Только коммунизм возвестил бы о начале общинной жизни и новой сексуальной свободе, и, в свою очередь, роль государства стала бы излишней». См.: <https://www.penguinrandomhouse.com/books/307072/the-origin-of-the-family-private-property-and-the-state-by-friedrich-engels/>. (дата обращения 01.03.2020).

²⁹ Рабочий факультет (рабфак) был одной из разновидностей образовательных учреждений в Советском Союзе. На рабфаке готовили советских работников к поступлению в высшие учебные заведения.

екте по умиротворению и замене» (Koffer 2019). После пребывания на посту заместителя руководителя Института востоковедения (нем. *Institut für Orientforschung*), который был расформирован во время «реформ» в 1969 г., обсуждался вариант, что она может стать руководителем Института антропологии в Берлинском университете им. Гумбольдта, ныне реорганизованного и переименованного в Отдел этнографии Института истории (нем. *Bereich Ethnographie in der Sektion Geschichte*), — того самого института, где ее «соперник» Роуз занимал должность профессора. Тем не менее она не покинула свою должность заместителя руководителя недавно основанного Центрального института древней истории и археологии (нем. *Zentralinstitut für Alte Geschichte und Archäologie*) Академии ГДР, где около ста историков (возможно, половина из них была археологами) работали в четырех, а затем пяти отделах (Koffer 2019). Она приняла участие в реализации крупномасштабного проекта по всемирной истории вплоть до «становления феодализма», достигшего своего пика в 1977 г. с публикацией тома «Всемирная история» (нем. «*Weltgeschichte*»), который она редактировала вместе со своим мужем-археологом Йоахимом Херрманном, занимавшим высокий пост идеолога в коммунистической политической структуре (Sellnow et al. 1977; Kreković, Bača 2013: 268). Андре Гингрич описывал Зельнов как «жесткого партийного идеолога» (Gingrich 2005: 146). В 1970 году Пол Лесер охарактеризовал ее как «ведущего марксистского теоретика среди немецких антропологов» (Koffer 2019). Ее «профессиональный путь демонстрирует, как антропология формировалась под влиянием советской империи, известной как Восточный блок за «железным занавесом», — и одновременно формировала эту империю» (Koffer 2019). В ГДР антропология часто оказывалась в тисках «идеологических кампаний». Ученые должны были, по словам Ноака и Краузе, уметь «читать между строк» (Noack, Krause 2005: 45).

В 1978 г. Роуз написал своему коллеге Эрнсту Гофману (историк-марксист, коллега Роуза в Берлинском университете им. Гумбольдта, во время Второй мировой войны он мигрировал в Великобританию):

Фундаментальное теоретическое различие между Зельнов и мной <...> [заключается в том, что] ее раздражает то, что два этнографа из ГДР, известных на Западе как марксисты, — это сама Зельнов и Роуз, который даже не является гражданином ГДР. Голландец Жюль де Левен написал об этом в своей книге «Марксизм в культурной антропологии» (Leeuwe 1976). Он ссылается <...> на шесть моих книг и статей за период с 1960 по 1973 годы. [Зельнов] вряд ли «любила» меня с тех пор, как в 1968 году я написал в журнал «*Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*» статью «Семья и периодизация предыстории» (нем. «*Die Familie und die Periodisierung der Urgeschichte*»), в которой я раскритиковал и ее, и Энгельса <...> Она хотела отредактировать текст таким образом, чтобы он соотносился с ее теоретическими концепциями <...> я сказал ей, что если она хочет внести эти изменения, то материалы должны выйти под ее именем, а не под моим, на чем мы в конце концов и остановились (колл. «Rose Papers»: Box 30).

Из письма видно, что Роуз явно «отрекся» от своих ранних работ о теориях Энгельса о роли воспроизводства семьи, которые критиковал Токарев.

Резкому карьерному взлету Зельнов в ГДР и ее растущей международной репутации способствовали «большие дискуссии о формациях» (Noack, Krause 2005: 37–40). По словам Ноака и Краузе, тема ее докторской диссертации звучала следующим образом: «Основные принципы периодизации первобытной истории» (англ. «Basic Principles of Periodization of Primeval History»). Эти «принципы» были провозглашены закономерностями в эволюции всех первобытных обществ. Но они же поставили на повестку дня вопросы о «матри- и патрилинейности, влиянии войны на социальную эволюцию и об общественном разделении труда», бывшие предметом «серьезной критики со стороны Роуза» (Noack, Krause 2005: 40)³⁰. Такие антропологи, как коллега Зельнов Гюнтер Гур, который пошел на риск в этой опасной дискуссии, опубликовав предназначенную для его докторской защиты книгу «Маркс и этнография» (Gühr 1969), подверглись «резкой критике в партийных кругах университета, и [его книга] не попала в книжные магазины» (2020: электронное письмо Р. Струве — В. Мунт)³¹. Гур, разочаровавшись, покинул Берлинский университет имени Гумбольта ради должности в Дрезденском музее (Noack, Krause 2005: 40). Роль Ирмгард Зельнов в истории антропологии пока еще «мало изучена, если вообще изучена». Ее работа на протяжении почти четырех десятилетий была сосредоточена на вопросах первобытного общества, но, как объясняет Коффер, «ее наследие еще предстоит раскрыть» (Koffler 2019).

Тем временем, однако, Роуз испытывает растущее беспокойство из-за того, что советские коллеги все больше оттесняют его на второй план. В недавней публикации по истории российской и советской антропологии (Алымов, Sokolovskiy 2018) описываются сдвиги в этой дисциплине, которые оказали большое влияние на его исследовательский потенциал и на его стремление быть признанным в качестве влиятельного марксистского этнографа. Роуз был в плохих отношениях с «верховным советским этнографом» С.П. Толстовым (1907–1976)³².

Сергей Павлович Толстов

Значительные изменения на всем протяжении научной карьеры Фреда Роуза в ГДР связаны с именами влиятельных советских этнографов: директоров Института этнографии АН СССР С.П. Толстова вплоть до его отставки в 1966 г. и Ю.В. Бромля с 1966 по 1989 г., а также С.А. Токарева — зав. кафедрой этнографии МГУ до 1973 г. Ю.Л. Слезкин описывает С.П. Толстова как «одного из самых кровожадных молодых специалистов, <...> заправлявших советской этнографией в 1940–1960 гг.» (Slezkine 1991: 479). Он определял задачу советской школы этнографии следующим образом: «по-новому подойти к огромному массиву этнографических данных и источников, которые

³⁰ Ссылка на Роуза имеется только в сноске на странице 40, где его работа о системах родства (Rose 1960) признается «важной критикой» и отмечается, что: «Его научная работа в первую очередь была продиктована желанием улучшить положение австралийских аборигенов».

³¹ Данные предоставлены доктором Рут Струве по просьбе автора по электронной почте в июле 2020 года.

³² См. следующий электронный ресурс: https://en.wikipedia.org/wiki/Sergey_Tolstov. Алымов С. Космополитизм, марксизм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов [Электронный ресурс]. 26 августа 2009. Режим доступа: <https://polit.ru/article/2009/08/26/alymov/>. (дата обращения: 20.04.2020).

почти не были использованы до этого времени, чтобы переосмыслить историю народов СССР и разработать настоящие научные толкования» (*Alymov, Sokolovskiy* 2008: 6).

Желательная форма антропологических знаний в 1950-е — 1960-е годы приняла вид монографии, описывающей определенный этнос с момента его археологической предыстории до настоящего времени (*Alymov, Sokolovskiy* 2008: 6). Но, согласно Соколовскому, именно «историзм» российской этнографии по Толстову «во многом определил ее периферийный статус как вспомогательной исторической дисциплины» (*Sokolovskiy* 2008: 5). Интерес к «классификационным системам родства», бывший типичной дежурной методологией проектов прежних знаменитых русских исследователей-полевиков, базировавшейся на теориях Льюиса Генри Моргана, ныне явно пошел на спад. «Шедевр» Роуза (*Montagu*, цит. по *Munt* 2011: 122) об австралийских исследованиях родства на острове Грут-Айленд, на которых он и создал себе репутацию «марксистского антрополога», очевидно, были шагом, выходящим за пределы советских директив. Когда Тамара Драгадзе посетила СССР в 1960-е годы, она не обнаружила никаких исследований родства, столь типичных для английской антропологии тех лет (*Dragadze*, цит. по: *Kan, Arzyutov* 2016: 206, сноска 6).

Из воспоминаний Д.Д. Тумаркина:

С одной стороны, Сергей Павлович [Толстов] уважал Фреда как деятеля международного коммунистического движения и не препятствовал его приездам в Советский Союз в рамках соглашения между Академиями наук СССР и ГДР. С другой стороны, будучи марксистом-ортодоксом, Толстов не мог простить Роузу, что тот, объявив себя сторонником концепции первобытности Моргана–Энгельса, в своих трудах о системах родства и браке у аборигенов Грут-Айленда заявил, что у них не было группового брака, что такая форма брачных отношений если она и существовала, то только в верхнем палеолите (*Rose* 1960: 239). Такое утверждение противоречило «единственно правильной» концепции. Не случайно эта монография не была переведена на русский язык и даже не удостоилась рецензии в «Советской этнографии». Сергей Павлович избегал встреч с Роузом и рекомендовал своим заместителям и другим ведущим сотрудникам соблюдать осторожность в беседах с этим «еретиком» (*Тумаркин* 2018: 641).

Более того, взгляды Роуза влекли за собой отрицание взглядов Толстова в отношении развития ранних человеческих обществ. Роуз писал:

Спустя некоторое время после того, как я вернулся в ГДР, я получил письмо от Толстова, в котором он резко раскритиковал мои взгляды. Это стало началом полемической переписки, которая закончилась, когда я написал, что, разумеется, он имеет право на собственное мнение, но согласно протоколам семинара, который я вел в 1959 г., несколько советских ученых были готовы принять или по крайней мере рассмотреть мои взгляды <...> В 1960 г. в Париже на проводившемся раз в четыре года Международном этнографическом

съезде я попытался встретиться с профессором Толстовым, чтобы обсудить этот вопрос, но он не смог или не захотел встретиться со мной <...> В 1964 г. съезд проходил в Москве <...> Я столкнулся с огромными трудностями при получении визы, хотя я должен был выступать там с докладом <...> В конечном итоге я получил визу за полтора часа до вылета в Москву <...> На съезде в Москве я узнал от советских коллег, что профессор Толстов запретил рецензии на любые мои книги [курсив мой] в журнале «Советская этнография». Насколько я знаю, это, возможно, не относилось к брошюре, появившейся в 1946 г. [предположительно, это брошюра, опубликованная «Jaḡaga» и отправленная Катариной Сюзанной Причард]³³ (коллекция «Rose Papers»: Box 31, проект меморандума).

Конечно, существует и вероятность того, что называется «трудностями перевода», как объясняет Тумаркин: «С.П. Толстов едва ли читал монографию Роуза, так как был очень занят, плохо себя чувствовал и слабо знал английский язык. О «крамольных» фразах в книге Фреда ему, вероятно, сообщили сотрудники Института, которые интересовались проблемами первобытности и свободно читали научную литературу на английском языке» (Тумаркин 2018: 641).

В личном письме биографу В. Гордона Чайлда Салли Грин Роуз писал:

У меня был очень необычный опыт общения с Толстовым. На самом деле я встретился с ним единственный раз на проходившем в июле-августе 1960 г. Международном съезде антропологов и этнологов в Париже, когда мне не дали ни малейшей возможности пообщаться с советскими коллегами, присутствовавшими на конференции. Это было тем более удивительно, что я был коммунистом и считал себя марксистом <...> спустя месяц после парижской конференции я получил письмо от Толстова, датированное 16 мая 1960 г., в котором он критиковал мое выступление на семинаре в Ленинграде в 1959 г. <...> хоть убейте, но я не могу понять, за что именно он меня критиковал (Роуз — Грин / Moonraker Press Wiltshire, 9 мая 1990 г., коллекция «Rose Papers»: Box 25)³⁴.

Роуз предположил, что критику Толстова вызвало как его заявление то том, что вопрос о патриархате/матриархате действительно неуместен в контексте Австралии, так и использование [Роузом] статистических методов для записи и анализа социальных феноменов.

Желание Толстова «убить» Роуза посредством «конспиративного замалчивания» в конце концов прекратилось, когда «в конце 1966 г. достигший 60-летия Толстов оставил свой пост главного редактора «Советской этнографии», а затем и должность директора Института этнографии АН СССР имени Миклухо-Маклая» (Monteath, Munt 2015: 252).

Что касается Роуза, тот был рад его уходу. Он писал:

³³ См.: <http://adb.anu.edu.au/biography/prichard-katharine-susannah-8112>. (дата обращения 05.05.2020).

³⁴ Письмо Роуза было возвращено издательством «Moonraker Press» (Уилтшир) (21.06.1990). Адрес Грина неизвестен.

В СССР существовала значительная оппозиция научной политике Толстова <...> споры в основном крутились вокруг историзма этнографии как науки <...> Однако хотя сильная оппозиция лидерству Толстова и существовала, потребовалось несколько лет, прежде чем наконец было фактически преодолено сопротивление моим идеям. Лишь в 1972 г., спустя 13 лет после того, как профессор Толстов наложил вето на упоминание моих работ, в СССР в Послесловии, написанном профессором Кабо, было выражено отношение к моим основным [опубликованным] (зачеркнуто) трудам и идеям о развитии первобытного общества» (коллекция «Rose Papers»: Box 31, проект меморандума, 1972).

Но действительно ли Роуз верил в то, что ситуация для него стала меняться? Или в то, что он будет допущен во внутренние круги советской этнографии? Или он просто пытался придать положительный оборот восприятию его работ Институтом этнографии АН СССР имени Н.Н. Миклухо-Маклая? Согласно документам из его личного архива, оптимизм Роуза по поводу перспектив его карьеры шел на спад по меньшей мере с начала 1970-х годов, несмотря на отставку Толстова. В феврале 1970 г. в черновике заявления об отставке Роуз написал:

Я нахожусь в ГДР вот уже 15 лет, и все это время <...> я веду «незримую борьбу» с политическими проблемами моей науки — этнографии, что я изложил в своей дискуссии (нем. *Aussprache*). Номенклатурное изменение [изменение в имени института «Этнологии» (нем. *Völkerkunde*) и «Немецкой этнографии» (нем. *Deutsche Volkskunde*) на «Этнографию» (нем. *Ethnographie*), означающее изменение самого предмета изучения] было приведено как пример полнейшего невежества при принятии научно-политического решения, что было сделано не только без согласования со мной, с компетентными товарищами в Министерстве и аппарате Центрального Комитета, но и вопреки моим знаниям и представлениям. Я узнал об этом решении только спустя год, когда оно было опубликовано в газете «*Gesetzblatt*» (Газета, в которой публикуются изменения в законодательстве университетов. — *В.М.*). Все, чего я хотел, так это того, чтобы мои политические знания и опыт могли бы быть наилучшим образом использованы на службе социализму. Здесь в ГДР за последние 15 лет они не были использованы так, как я того хотел <...> [именно] поэтому я принял решение покинуть ГДР в августе следующего года (черновик письма (без адресата) от 01.12.1970 (коллекция «Rose Papers»: Box 15)).

18 октября 1970 г. Роуз написал еще один черновик письма, очевидно пребывая в унынии:

... причина того, что я пишу это письмо, связана с моим отъездом из ГДР и возникшей в связи с этим проблемой <...> В конце августа двое советских коллег посетили наше подразделение (нем. *Bereich*) <...> Я был тогда в отпуске. [Речь идет о] профессоре Ю. Бромлее, директоре Института этнографии АН СССР имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Я никогда не встречался с ним. С ним была профессор Аверкиева, (женщина)-этнограф из того же института <...> ee

я впервые встретил в 1959 г. Они и другие советские коллеги были очень удивлены и разочарованы, что я не присутствовал на Исторической конференции, только что закончившейся в Москве <...> Меня исключили из числа ее участников или не пригласили в составе официальной делегации ГДР на Московскую историческую конференцию» [курсив мой]. <...> Это означает, что, если я вернусь в Австралию, потому что не принимаю научную политику ГДР в отношении этнографии как части региональных исследований (нем. *Länderwissenschaften*), то для меня возникнут проблемы с работой в подготовительном комитете в качестве представителя ГДР <...> они фактически игнорируют учение Ленина о национально-колониальном вопросе (коллекция «Rose Papers»: Box 15).

С.С. Алымов констатирует, что ученые продолжали цитировать Маркса, Энгельса и Моргана в вопросах кланов и родства; вместе с этим он указывает на то, что некоторые «могут говорить, что реальный марксизм так и не укрепился в российской этнографии» и, возможно, «потерял свой импульс уже в 1960-е годы» [курсив мой] (Алымов 2018: 142). Кажется, что безусловно ключевой категории марксизма — способу производства — не уделялось должного внимания.

Сергей Александрович Токарев

В начале карьеры, во время показательных процессов над Троцким и Зиновьевым в 1936 г., С.А. Токарев пережил кризис, когда его обвинили в контрреволюционных взглядах. Он не был репрессирован, хотя и потерял должность в Музее народов СССР. С 1956 по 1973 гг. он возглавлял Кафедру этнографии на историческом факультете Московского государственного университета³⁵. Он также стал первым советским этнографом, который преподавал в Берлинском университете имени Гумбольдта в 1951–1952 гг. Предполагается, что лекции Токарева, которого С.С. Алымов описывает как «одного из наиболее активных марксистов 1930-х годов» (Алымов 2014: 138), были организованы в Восточной Германии (до того, как там побывал Роуз) советскими чиновниками от культуры (Noack, Krause 2005: 29, Сноска 11).

В 1961 г. он возглавил сектор этнографии народов зарубежной Европы, что практически ознаменовало конец его прежнего интереса к Австралии и Океании. Однако до репрессий 1930-х годов Токарев был очарован «пятым континентом» и писал, что австралийские аборигены были «<...> одними из самых интересных народов на земле, и что исследования в Австралии — одна из самых пленительных и многообещающих областей этнографии. Исследования аборигенов Австралии — это ключевая фактическая база для исследований любого первобытного общества» (Dragadze 1984: 249).

Учитывая классические полевые исследования Фреда Роуза на Грут-Айленде по «Классификации родства», выполненные почти два десятилетия спустя, можно было бы предположить, что его тепло примут в Академии наук СССР. Но, вероятно, иностранец Роуз вызывал подозрения, а возможно, и зависть.

³⁵ После увольнения из Московского университета во время сталинских чисток, когда многие деятели науки были отправлены в ГУЛАГ, по словам Артемовой, Токарев преподавал «в ряде университетов Сибири, занимался полевыми исследованиями <...> опубликовал много историографических исследований и никогда не обсуждал «опасные» вопросы» (Artemova 2004: 88).

Согласно Тумаркину, «С.А. Токарев любил принимать и обильно угощать в своей уютной квартире иностранных этнографов, приехавших в Москву, но ни разу не пригласил Фреда. В кратком варианте его дневников Роуз вообще не упомянут (Токарев 1995: 159–304) <...> основным связующим звеном между Фредом и Институтом этнографии (ИЭ) стал автор этих строк» (Тумаркин 2018: 642).

Юлиан Владимирович Бромлей

Однако в 1966 г. ситуация для Роуза стала более благоприятной. Новым директором Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая стал Юлиан Владимирович Бромлей (1921–1990). В последние десятилетия существования СССР его теория этноса стала очень влиятельной среди этнографов. В послевоенные годы, как объясняет Соколовский, изучение «первобытных» обществ практически прекратилось в пользу изучения «социалистической современности», которая в свою очередь уступила место «теории этноса» (Sokolovskiy 2011: 137–144). Бромлей никогда не проводил полевых исследований и твердо двигал этнографию в сторону «исторической науки».

Но теория этноса Бромлея вызывала все больше споров среди этнографов в последние десятилетия существования Советского Союза, а в глазах его студентов «теория первобытного этноса прямо противоречила консервативному марксистскому подходу в области исторического материализма» (Roche 2017).

Отрицание Бромлеем этнических проблем в СССР и отстаивание в то же время концепции первичности этносов в антропологии достигло апогея в апреле 1989 г. на лондонской конференции «Досовременная и современная национальная идентичность в России/СССР и Восточной Европе» (англ. «Pre-modern and Modern National Identity in Russia/USSR and Eastern Europe»), организованной Лондонской школой славянских исследований. На ней присутствовали и Геллинер, и Бромлей, и хотя неадекватность теории Бромлея стала к тому времени очевидной, несмотря на его попытки «реформировать собственную теорию», он не смог объяснить причины армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе (Skalnik 2003).

В конечном итоге, однако, оказалось, что именно Бромлей проявил больше симпатии к своему коллеге из ГДР профессору Фредерику Роузу, что и привело к публикации некоторых работ Роуза на русском языке. Это произошло благодаря посредничеству Даниила Давыдовича Тумаркина (1928–2019).

Даниил Давыдович Тумаркин

К сожалению, особенно в свете интереса Австралии к вопросам, к которым Д.Д. Тумаркин обращается, немногие из его трудов в настоящее время доступны на английском языке. Работой его жизни было изучение заселения Полинезии и традиционного общественного уклада народов Океании: гавайцев, жителей Самоа и Папуа-Новой Гвинеи. Тумаркин также изучал жизнь и научное наследие Н.Н. Миклухо-Маклая, чье стремление искоренить рабство и похищения людей на островах южной части Тихого океана задокументировано в его дневниках (Tumarkin 1982). Под его руководством

были опубликованы два сборника статей под названием «Репрессированные этнографы». Они содержали детальные биографии двадцати восьми ученых, которые умерли или пострадали в годы сталинских репрессий (Тумаркин 2004). В 2004 г. была опубликована коллективная монография «Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века», составленная под руководством Д.Д. Тумаркина (Тишков, Тумаркин 2004).

Роуз высоко ценил дружбу с Тумаркиным. Хотя Роуз не говорил по-русски, его советский коллега неплохо знал английский, и они писали друг другу, пусть даже в архиве Роуза это отмечено как официальная переписка. По многим вопросам они «сходились во взглядах», что отмечено в автобиографии Тумаркина (Тумаркин 2018). Даниил Давыдович был знаком с советским издательским делом, и благодаря своей позиции и связям он мог помогать Роузу в публикации его работ на русском языке. Роуз также старался продвигать труды своего товарища в ГДР.

Тумаркин был в полной мере осведомлен о «непростых отношениях» Токарева и Роуза, и все же «<...> предпринял все от [него] зависящее, чтобы сделать его имя известным советскому научному сообществу и поднять его авторитет как в СССР, так и в ГДР. [Ему] даже удалось добиться включения маленькой статьи о Роузе в «Советскую историческую энциклопедию». Так Фред стал одним из немногих зарубежных обществоведов, кто еще при жизни удостоился чести быть упомянутым в этом энциклопедическом издании» (Тумаркин 2018: 643).

Владимир Рафаилович Кабо

Владимир Рафаилович Кабо (1925–2009) — еще один российский этнограф, который оказался вовлечен в академическую карьеру Фреда Роуза. Ведущий эксперт в области австралийской этнографии, с еврейскими корнями, он отбыл срок в ГУЛАГе в сталинскую эпоху. Более тридцати лет его страстью было изучение австралийских аборигенов. Он также изучал работы австралийского археолога-марксиста В. Гордона Чайлда (1892–1957)³⁶, когда отбывал свой срок в ГУЛАГе.

Скальник пишет о роли Кабо в идеологической схватке, случившейся в Париже в 1990 году: «<...> в то время происходил полный передел советской этнографии. В.Р. Кабо, который был тогда ведущим советским специалистом по обществам охотников и собирателей, взволнованным голосом прочитал доклад (Кабо 1990: 163–170). Прочитанный доклад разительно отличался от того, что, как предполагалось, он должен был представить (каждый доклад на международной конференции должен был быть предварительно одобрен директором, т.е. Бромлеем, и научным советом института). Его выступление было мощным и обвниательным. В то же самое время Кабо высоко оценил Геллнера и нескольких других ученых, включая меня, за то, что они не скры-

³⁶ Одним из самых известных археологов своего времени был Вир Гордон Чайлд. Он писал в неявном ключе «марксистской» археологии, чтобы не оттолкнуть широкую образованную публику. Он был ярким поклонником СССР и посетил ряд социалистических стран в 1949, 1953, 1955 гг. и СССР в 1956 г. Как и в случае с Роузом, на Чайлда имелся архив в австралийской службе безопасности и разведки (ASIO) и в британском ведомстве контрразведки (MI5). (См.: Предисловие к Irving 2020).

вали реальную ситуацию, сложившуюся в советской *этнографии*, которая уже какое-то время была далеко не монолитной (Skalnik 1981). Кабо критиковал Ю.И. Семенова за дальнейшее развитие давно дискредитировавшей себя матриархальной теории Косвена в весьма представительном трехтомнике с убедительным названием «История первобытного общества», опубликованным под редакцией Бромлея. Кабо сравнивал конференцию в Париже с аналогичной конференцией в Бург-Вартенштейне, состоявшейся в 1976 г., на которой вся советская делегация была представлена монолитно мыслящим блоком (Gellner 1980).

Несмотря на то, что он систематически получал отказы в выезде за рубеж для проведения полевых работ, в конце концов в 1990 г. Кабо выехал в Австралию, где и начал новую жизнь с помощью Фредерика Роуза³⁷ (см. об этом *Monteath, Munt 2015: 286–287; Kabo 1998*).

Однако их взаимоотношения, как следует из мемуаров Тумаркина, очевидно, были более сложными по сравнению с тем, как их описывал в своей переписке Роуз, к тому же на них наложились некоторые идеологические различия:

Ценой долговременных усилий, используя свой авторитет и личные связи, мне удалось добиться издания двух научно-популярных книг Фреда (*Rose 1972, 1981*). Подбор переводчика — компетенция издательства. Требовались еще редаKTура перевода, подготовка вступительной статьи или послесловия, а также комментариев» (*Тумаркин 2018: 644*).

Тумаркин рекомендовал поручить эту работу, «по сути единственному австраловеду, имевшемуся в Институте этнографии — В.Р. Кабо (1925–2009), который почти одновременно [с Тумаркиным] начал трудиться в Ленинградской части Института этнографии, а в 1977 г. переехал в Москву» (*Там же: 645*).

Отрывки из мемуаров Тумаркина иллюстрируют те трудности, с которыми столкнулся Роуз, будучи иностранцем, выходящим за рамки «идеологической корректности», в попытках добиться публикации своей работы для советских читателей:

³⁷ См.: коллекция «Rose Papers». Box 18: Письма и переписка, относящиеся к Владимиру Кабо, включая его заявку на грант для проведения исследований в Австралийском институте исследований аборигенов и жителей островов Торресова пролива (англ. AIAS), и листы, содержащие отзывы рецензентов (Рис Джонс и Гордон Бриско (20.05.1989). Кабо: «Я был незаконно репрессирован в 1949 году и провел 5 лет в сталинском концлагере <...>». Письмо «Владимиру Кабо (19.06.1989) от Фреда Роуза: Ваша заявка на исследовательский грант в AIAS доставлена в целостности и сохранности». Письмо Владимиру Кабо (27.07.1989) о рецензентах для его заявки на грант в AIAS: Роуз советует Рису Джонсу и Гордону Бриско и предполагает, что, возможно, единственным человеком, который может быть против выдачи гранта, будет Николас Петерсон, который «имеет репутацию академически консервативной личности». Роуз будет действовать как «неофициальный рецензент», написав рекомендательное письмо Джону Малвэни, «в руках которого сосредоточена реальная власть в AIAS».

Владимир Рафаилович Кабо стал крупным специалистом, хорошо разбиравшимся в проблемах австраловедения. Но в личном плане он был непростым человеком <...> склонным к преувеличению своих научных заслуг и недооценке достижений коллег, изучающих общества охотников и собирателей. В 1969 г. Кабо опубликовал монографию о происхождении и ранней истории аборигенов Австралии (*Кабо* 1969), по которой в следующем году защитил докторскую диссертацию <...> Роуз в своих трудах высказывал иную точку зрения по некоторым частным вопросам» (*Тумаркин* 2018: 645).

Фредерик Роуз и Владимир Кабо в Берлине. 1985 г.

Фото из архива семьи Роуз.

Хотя Кабо и согласился выступить в роли редактора русского перевода книги Фреда «Аборигены, кенгуру и реактивные лайнеры», он, по словам Тумаркина, «написал послесловие, выдержанное в резких, а местами даже в оскорбительно-снисходительных тонах» (Там же: 646). Однако, несмотря на его несогласие с некоторыми взглядами Роуза, компромисс был достигнут, и в своем переработанном послесловии Кабо назвал автора книги выдающимся специалистом в области антропологии Австралии (Там же). Издание второй научно-популярной книги Фреда, переведенной на русский язык — «Аборигены Австралии. Традиционное общество» (*Rose* 1981), было подготовлено тоже при участии В.Р. Кабо. Получив «добро» у директора ИЭ Ю.В. Бромлея, Тумаркин «попросил Роуза прислать копию рукописи, чтобы попытаться напечатать ее перевод в издательстве «Наука». Юлиан Владимирович поручил Кабо подготовить проект письма директору «Науки» с обоснованием научной значимости книги и желательности ее публикации на русском языке» (Тумаркин 2018: 646). Последний написал в целом положительный отзыв, однако, согласно Тумаркину,

...включил в него замечания, которые ставили ценность рекомендуемой книги под вопрос. <...>. Роуз внимательно отнесся к критике: мелкие огрехи исправил, некоторые суждения переформулировал, а те вызвавшие нарекания фразы и абзацы, которые не хотел из-

менять, попросту вычеркнул из рукописи. Но в «Науке» отвергли монографию Роуза, так как анонимные редакционные рецензенты-догматики подвергли ее критике с «единственно правильных» позиций. Книга была передана в издательство «Прогресс». Кабо «выступил в роли научного редактора, автора комментариев и Послесловия, которые после правки [директором издательства] Орешинным приобрели вполне доброжелательный вид. В качестве переводчика Владимир Рафаилович предложил свою вторую жену Елену Викторовну Говор» (Тумаркин 2018: 646–647).

В защиту Кабо можно сказать, что, вероятно, после лет, проведенных в ГУЛАГе, он опасался быть связанным с «еретическими» идеями Фредерика Роуза. После всех репрессий и обвинений, не говоря уже о смертях, во имя идеологии никакая осторожность не могла быть излишней.

К сожалению, классическое полевое исследование Роуза «Классификация родства, возрастная структура и брак у аборигенов Грут-Айленда: история метода и теория австралийского родства» (1960) так и не была опубликована на русском языке.

Заключение

К. Маркс подчеркивал: «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам» (Marx 1872). И Роуз столкнулся с некоторыми весьма каменистыми тропами в своей академической карьере. Можно сказать, что он упорно сохранял интерес к вопросам, поднятым в его ранних полевых исследованиях на Грут-Айленде, о родстве, правилах брака и экономике, вдохновляемый марксистским интересом к «племенной собственности» и «разделению труда» в первобытных обществах (Stedman Jones 2002: 160–161) — и при этом преспокойно сотрудничал с близкими ему по духу антропологами за пределами ГДР и Советского Союза. И несмотря на политическую реальность, с которой он столкнулся в Советском Союзе и которая не соответствовала его социалистическим идеалам, он не комментировал противоречивые вопросы, зная, что советская политика не должна подвергаться критике³⁸.

Роуз выработал доступный стиль написания марксистской антропологии, основанной на социальной организации и эволюции, под влиянием австралийского археолога-марксиста Вира Гордона Чайлда (1892–1957). Чайлд несколько раз посещал страны Восточного блока, бывал в Москве и Праге; две его книги были опубликованы в переводе на чешский. Тем не менее, «даже с его марксистской идеологической базой и популярностью среди археологов коммунистических стран <...> некоторые по-прежнему пренебрежительно считали его “буржуазным” археологом» (Krekovič, Bacá 2013: 265). Роуз обратился к Чайлду за советом в начале своей карьеры начинающего ученого-марксиста, интересовавшегося возможными археологическими свидетельствами разделения труда в каменном веке. На его «крайне неортодоксальное письмо» и вопросы

³⁸ См.: коллекция «Rose Papers». Box 31. Вырезка из новостей. No comment on Czechs: Violence forecast by Red Professor // The NT News. Monday, 2 Sept 1968.

Чайлд ответил тремя страницами, где согласился с тем, что не существовало свидетельств существования «группового брака» или даже «матриархата» как характерных для эпохи «варварства» (26 ноября 1956 г., Клуб Атенеум, Лондон, В. Гордон Чайлд — Ф. Роузу)³⁹. И все же Роуз слишком поздно обратился за советом к этому наставнику⁴⁰. 16 декабря 1956 года Чайлд опубликовал другое письмо из Клуба Атенеум как минимум трем «ведущим археологам СССР. На пяти страницах убогим шрифтом он разрушил репутацию советской археологи <...> это был его собственный «1956 год» — твердо выраженное отвращение к катастрофическому воздействию сталинского режима на науку, которой он посвятил свою жизнь» (*Irving* 2020: 338). Почти год спустя Чайлд был найден мертвым (считается, что он совершил самоубийство) в Голубых горах в Новом Южном Уэльсе (19 октября 1957 г.) (*Irving* 2002: 368).

По иронии судьбы, год спустя после падения Берлинской стены Роуз в личном письме биографу В. Гордону Чайлду Салли Грин выразил свое разочарование своими советскими коллегами: «Я [тоже] получил ярлык «буржуазного ученого», вслед за Советским Союзом — и в ГДР <...> я всегда восхищался Гордоном Чайлдом <...> Я верю, что Вы получите это письмо; если Вы решите написать мне, прошу использовать мой адрес в Берлине, а не адрес отправителя, который указан на конверте» (Роуз — Грин / Moonraker Press: 9 мая 1990 г., коллекция «Rose Papers»: Box 25). Однако это письмо она так никогда и не получила.

Оба они — и Роуз, и Чайлд — не признавались в СССР как марксисты, а считались попросту «буржуазными учеными».

Повседневная работа институтов часто непрозрачна для историка. Как выявил Фуко в своих исследованиях тюрьмы, школы и больницы (*Foucault* 1961; 1963; 1975), власть действует на институциональном уровне. Пытаясь «справиться» с советскими академическими ограничениями и политикой на микроуровне, Роуз вынужден был пережить непростые времена. Большинство советских отечественных этнографических исследований публиковалось на русском языке вплоть до самых последних лет существования советской власти, и наука была фрагментирована и идеологически изолирована от западного влияния на протяжении большей части XX в. (*Sokolovskiy*

³⁹ В. Гордон Чайлд (1892–1957). Письмо от 26 ноября 1956 г. (Клуб Атенеум, Лондон) — Роузу. Коллекция «Rose Papers». Box 34 (1). Государственная библиотека Нового Южного Уэльса.

⁴⁰ См. письмо Роуза В. Гордону Чайлду от 24 сентября 1956 г. о запланированных лекциях. В них он запрашивает «список избранной литературы современных философских школ». Письмо В. Гордона Чайлда Ф. Роузу (Лондон, 08.10.1956): «Дорогой [в оригинале на английском языке — «Daer» — орфография автора сохранена] господин? [пунктуация автора сохранена] Роуз, боюсь [в оригинале на английском языке — «Im» — орфография автора сохранена], Вы обратились не к тому человеку. Я никогда не изучал антропологию <...> и [я] использую данные антропологов для освещения археологических фактов, не слишком беспокоясь об их различных интерпретациях. Их, если они вообще систематически излагаются, можно найти в статьях журналов, но я не могу сказать в каких. У моей новой печатной машинке клавиша «?» находится там, где я привык к «.»». Искренне Ваш, Гордон Чайлд (коллекция «Rose Papers», Box 34). Неясно, что послужило причиной для написания этого странного письма. Но, похоже, оно свидетельствует о периоде кризиса, который Чайлд пережил перед возвращением в Австралию и своей смертью в Голубых горах в следующем году. После пожизненной приверженности марксизму Чайлд был отвергнут русскими как «буржуазный» археолог. См. о разочаровании Чайлда в (*Irving* 2020: 337–338).

2008; Bondarenko, Korotayev 2003). Но Роуз не забывал о «долгой игре», он знал, что блефует, говоря о том, что он уезжает из ГДР, ведь у него было мало шансов начать новую научную карьеру в другой стране.

Как отмечает Ханн, «Восточная Германия неукоснительно адаптировала советские теории», в отличие от большинства других стран Восточной и Центральной Европы, которые отвечали «пустой риторикой на публикации в Москве и продолжали свои прежние практики» (Hann 2013: 4). Разоблачение Штази или политическое давление партии могли иметь серьезные последствия для карьеры (Gingrich 2005). Академическая судьба главных героев этой истории показывает, что советских этнографов также подстерегали профессиональные опасности, и даже те из них, кто соответствовал идеологическим директивам, отнюдь не обязательно получали признание. Что же касается вопроса о том, было ли возможно при таких обстоятельствах делать «хорошую» антропологическую работу (Boramen 2016; Fitzpatrick 2015), то можно утверждать, что хотя некоторые некогда почитаемые имена канули в лету, работы Роуза составили своего рода наследие, пусть по большей части непризнанное, но на нем строили свои работы другие. За полевыми работами, которые начал Роуз на Грут-Айленде на австралийском далеком севере в 1938 г., последовали исследования Питера Уорсли (Worsley 1954) и Дэвида Тернера (Turner 1974; 1977; 1980; 1981; 1985; 2021).

В конечном итоге я не подтвердил «основанную на родстве» теорию [Роуза] об основах общества на [Грут-Айленде] или других обществ на континенте (см. обзор в «Oceania». 2020. Vol. 90 (1)). Но тогда без его методологии и отказа от колониально навязанного генеалогического метода я бы вряд ли пришел к пониманию образа жизни абригенов в их собственных терминах, а не в терминах антропологической теории или политической идеологии <...> [Роуз] никогда не пытался направить меня по какому-нибудь теоретическому или идеологическому пути, а просто поддерживал то, что я делал (Тернер: электронное письмо В. Мунт, 3 января 2021 г.).

И Роузу, и Тернеру правительство Австралии запретило продолжать работы на Грут-Айленде. Вудроу Денхэм также выражал признательность методологии Роуза (Denham 2012. Об антропологическом наследии Роуза более подробно см.: Monteath, Munt V. 2015: 249–258). Уорсли вслед за Роузом также выступил против статичных систем родства Рэкклиффа-Брауна и, затронув проблему изменений в «нетронутых первобытных группах», продемонстрировал, что такие общества находились в «состоянии постоянного изменения» (Eriksen, Neilsen 2001: 86). Вклад Роуза в симпозиумы «Человек-охотник», проведенные в Университете Чикаго в 1966 и 1968 гг., — был охарактеризован Эриксоном и Нильсеном (Eriksen, Neilsen 2001: 82) как «высшая точка культурной экологии», что стало свидетельством признания его вклада в развитие антропологии за пределами советского блока.

Роуз всегда был готов сотрудничать с теми на Западе, кто понимал и мог продвинуть его исследования.

Франклин Тьон Сье Фет: «Моя магистерская диссертация в Лейденском университете основана на данных, полученных на Грут-Айленде. На самом

деле мне удалось одолжить копию Ван дер Лидена, в которой Роуз исправил от руки собранные им данные и приложил дополнительные записи <...> Я переписывался с Роузом, а позднее и с Питером Уорсли. Дэвид Тернер также приезжал в Лейден, чтобы представить доклад о своем собственном исследовании австралийских систем родства» (Turner 1978) (электронное письмо автору, 2020).

Монтит писал: «В ГДР Роуз с необыкновенной скоростью достиг превосходства в выбранной им карьере, получив кафедру в знаменитом университете, публикуясь по всему миру в своей области и впоследствии внося огромный вклад в успешное развитие одного из крупнейших в Европе этнографических музеев» (Monteath 2010: 259).

Однако несмотря на то, что имена его протеже хорошо известны в антропологических кругах, самим вкладом Роуза, как представляется, в Австралии пренебрегли. Во время холодной войны академическая свобода в стране была также ограничена. Джоффри Грей (Gray 2020), Питер Уорсли (Worsley 2008), Терри Ирвинг (Irving 2020) и другие писали о запретах, исключениях и вмешательстве со стороны австралийской службы безопасности и разведки (ASIO) в работу академических институтов и правительственных ведомств (Gray 2015: 25–44; Worsley 2008; Cookson 2013).

Можно надеяться, что «персонажи» этой микроистории, разыгрываемые ими «представления» и «чтение между строк» в архивах открыли завесу того, почему Роуз так и не стал, несмотря на его неизменную приверженность марксизму, антропологии и поддержке аборигенов, еще более значительной фигурой в истории антропологии и КПА⁴¹. Истории свойственен свой собственный размах, и исторические события настигли Роуза в начале его карьеры в виде сталинской критики⁴², что ослабило его позиции в КПА и способствовало тому, что в советских академических кругах его продолжали называть «еретиком». Он стал жертвой непрекращающихся споров, которые преследовали интерпретации Маркса и Энгельса «в борьбе за коммунизм, который доминировал в мире между 1917 и 1992 годами» (Stedman Jones 2002: 23).

Надеюсь, эта «микроистория» академической среды, в которой работал Роуз, делает понятным то, как более крупные исторические силы или их идеология действовали в меньшем масштабе в коридорах власти в академических институтах, контролируемых Советским Союзом. Возможно, она также показывает силу общей страсти к делу, которое, как многие надеялись, приведет к лучшему миру (См.: Drachewych, McKay 2019: 196–197). В основе ее лежало стремление создать человеческое общество, основанное на распределении

⁴¹ Это также связано с политикой коммунистов в Австралии. См.: коллекция «Rose Papers». Вох 38. ОТЧЕТ Роуза о 1968 году и расколе в партии: «Как член Социалистической единой партии Германии, я был вынужден во время своего пребывания в Австралии в определенной степени ходить по политическому лезвию между двумя австралийскими партиями <...> мои отношения с Социалистической партией Австралии были, конечно, намного теплее, чем с членами Коммунистической партии Австралии».

⁴² См.: коллекция «Rose Papers». Вох 15. Там содержится 80 страниц обсуждения «критики Сталина» на немецком языке, касающейся теоретической полемики относительно работы над трудом Г.Л. Моргана «Древнее общество» (1877); также там упоминаются Зельнов (1964) и «Моргановский симпозиум» 1964 года (стр. 31).

ресурсов «в соответствии с потребностями», которое Маркс пытался описать в 1875 г., но «которым позже злоупотребляли, чтобы оправдать сталинскую практику» (Rogers 2018: 95–109). Прообраз «марксистской» социальной организации был обнаружен и в том, что европейские этнографы когда-то считали самым «первобытным» обществом в мире. Тумаркин объяснял, что в монографии Роуза (Rose 1960)

...подняты такие крупные теоретические проблемы, как соотношение природного и человеческого, биологического и социального. Привычные представления опровергаются выводом автора о том, что в традиционных условиях аборигены Австралии были способны планировать свою жизнедеятельность, включая воспроизводство семьи, в целях поддержания оптимальных демографических параметров и равновесия между обществом и окружающей средой. В книге немало дискуссионного, что не умаляет ее значения, а наоборот, делает ее еще более интересной для специалистов. Сам Роуз считал эту монографию главным итогом своих австраливедческих исследований. Книгу можно рассматривать как его научное завещание (Артемова, Тумаркин 1991: 158, цит. по Тумаркин: 2018: 638).

Это перевернуло советскую марксистскую теорию исторических «стадий» на пути общественного развития к будущей коммунистической утопии с ног на голову. Как позже показали и полевые исследования Тернера на Грут-Айленде, это было бесклассовое общество и экономика, характеризующиеся социальной и экологической гармонией, основанной на философии взаимной взаимозависимости и совместного использования ресурсов, которые обеспечивали его выживание и сосуществование на протяжении тысячелетий (См.: Turner 2021).

Я выражаю благодарность Вудроу Денхэму, Джоффри Грею, Роджеру Марвику, Питеру Монтигу, Фрэнклину Тьон Сье Фету и Дэвиду Тернеру за прочтение черновика этой статьи. Я чрезвычайно признательна за все комментарии и предложения. Благодарю также Михаила Тумаркина за возможность использовать мемуары его отца.

Источники и литература

Неопубликованные и архивные материалы

- а) Государственная библиотека Нового Южного Уэльса. Некаталогизированная коллекция «Rose Papers» («Бумаги Роуза»).

Вох 1. Неопубликованные (незаконченные) мемуары: «Непримиримый антрополог».

Вох 15. 80 машинописных страниц обсуждения «критики Сталина» на немецком языке.

Вох 15. Письмо от 16 января 1956 г. в Социалистическую единую партию Германии.

Вох 18: Письма и корреспонденция, относящиеся к Владимиру Кабо.

Вох 20. Письмо Фреда Роуза — Питеру [Уорсли] от 11.09.1957.

Вох 20. Приложение F «Комментарии к документу (заявке) Дж. Бисли» 01.05.1955. Приложение E. Комментарии Дж. Легга на тему «Экзогамия: ее биологическое значение в развитии первобытного общества».

Вох 21. «Конспекты лекций» Ф. Роуза.

Вох 24: Два письма на русском языке с прикрепленной карточкой Д.Д. Тумаркина.

Вох 26. Черновик недатированного рукописного письма на английском языке, адресованного директору Института марксизма-ленинизма (Москва).

Вох 31. Вырезка из новостей. The NT News. Monday, 2 Sept 1968.

Вох 34 (1). Папка с надписью «ЗАМЕТКИ» от Ф. Роуза в Университет (07.06.1956).

Вох 34 (1): 26 ноября 1956 г. От Г. Чайлда, Атенеум, Лондон, Фреду Роузу, Берлин.

Вох 38. Отчет Роуза о 1968 годе и расколе в партии.

б) *Worsley P.* The Changing Social Structure of the Wanindiljaugwa. Неопубликованная докторская диссертация. Австралийский национальный университет, 1954.

в) Семейный архив д-ра Рут Струве.

Письма Фреда Роуза (Воклюз, Новый Южный Уэльс) Эдит Роуз (Ф.Л. Нейман, Берлин) от 11 января 1955 г. и 9 апреля 1955 г.

Научная литература

Алымов С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 97 (3). С. 7–36.

Советская историческая энциклопедия. В 16 томах. М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1961–1976.

Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания // «Правда». 1950. 20 июня; 28 июля; 2 августа. [Электронный ресурс]. <http://www.marx2mao.com/Stalin/ML50.html>.

Тишков В. А., Тумаркин Д. Д. (Ред.). Николай Николаевич Чебоксаров: портрет ученого в контексте его времени // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. Москва: Наука, 2004а. С. 358–396.

Тумаркин Д. Д. «О тамо, кайе!» Воспоминания и размышления ученого-путешественника. М.: Наука; Восточная литература, 2018.

- Тумаркин Д. Д. *Репрессированные этнографы: Вып. 2. М.: Восточная литература, 2004.*
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: Прогресс, 1960.
- Alymov S. Ethnography, Marxism, and Soviet Ideology // An Empire of Others: creating ethnographic knowledge in Imperial Russia and the USSR / Eds. R. Cvetkovski, A. Hofmeister. Budapest-New York: Central European University Press, 2014.*
- Alymov S. On the Soviet Ethnography of the Soviet Life: The case of the «Village of Viriatino» // Histories of Anthropology Annual. 2011. P. 23–48.*
- Alymov S., Sokolovskiy S. Russia, Anthropology [Электронный ресурс] // The International Encyclopaedia of Anthropology / Ed.H. Callan. John Wiley and Sons Ltd., 2018. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/978111892434396>. (дата обращения 12.04.2020).*
- Artemova O. Yu. Hunter-Gatherer Studies in Russia and the Soviet Union // Hunter-Gatherers in History, Archaeology and Anthropology / Alan Barnard (ed.). Oxford; New York: Berg, 2004.*
- Arzyutov D. V., Kan S. A. The Concept of the «Field» in Early Soviet Ethnography: A Northern Perspective // Sibirica. 2007. Vol. 16 (1). P. 31–74, 51.*
- Barnett A., Bielski N. Jealousy // Soviet Freedom. London: Picador, Pan Books. 1988. P. 81–82.*
- Bondarenko D. M., Korotayev A. V. In Search of a New Academic Profile: Teaching Anthropology in Contemporary Russia [Электронный ресурс]. 2003. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/220038674_In_Search_of_a_New_Academic_Profile_Teaching_Anthropology_in_Contemporary_Russia. (дата обращения: 03.04.2020).*
- Boramen T. Рецензия на «Red Professor: The Cold War life of Fred Rose» // The Journal of Pacific History. 2016. Vol. 51 (1). P. 103–104.*
- Čapo J. Ethnology and Anthropology in Europe Towards a Trans-National Discipline // Cultural Analysis. 2014. Vol. 13. P. 51–76, 51.*
- Conner C. Evolution vs. Creationism: in defense of scientific thinking // International Socialist Review (monthly magazine supplement to the Militant). November 1980. No 12.*
- Cookson M. Last Post for Peter Worsley (1924–2013) [Электронный ресурс]. 2013. Режим доступа: <http://pacificinstitute.anu.edu.au/outrigger/2013/03/21/last-post-for-peter-worsley/>. (дата обращения 05.05.2020).*
- Denham W. Kinship, Marriage and Age in Aboriginal Australia [Электронный ресурс] // Mathematical Anthropology and Cultural Theory: An International Journal. May 2012. Vol. 4 (1). Режим доступа: http://mathematicalanthropology.org/Pdf/МАСТ_Denham_0512.pdf.*

- Dening G.* Performances. Chicago: University of Chicago Press, 1996.
- Drachewych O., McKay I.* (Eds.). Left transnationalism: The Communist International and the national, colonial and racial questions. Montreal & Kingston; London & Chicago: McGill-Queens University Press, 2019.
- Dragadze T.* Kinship and Marriage in the Soviet Union: Field Studies. London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1984. P. 249.
- Eriksen T. H., Neilsen F. S.* (Eds.). A History of Anthropology. England: University of Michigan Pluto Press, 2001.
- Fitzpatrick S.* Revisionism in Retrospect: A Personal View // *Slavic Review*. 2008. Vol. 67 (3). P. 682–704.
- Fitzpatrick S.* рецензия на «Review of Red Professor, the Cold War Life of Fred Rose by Peter Monteath and Valerie Munt» // *Australian Book Review*. October, 2015. No. 375.
- Foucault M.* Surveiller et Punir Naissance de la Prison. Paris: Gallimard, 1975.
- Foucault M.* The Birth of the Clinic: An Archaeology of Medical Perception, Routledge: Abington, Oxfordshire UK, 1963.
- Foucault M.* Folie et Dérason: Histoire de la folie à l'âge classique. Paris: Plon, 1961.
- Gingrich A.* et al. One Discipline, Four Ways: British, German, French, and American Anthropology. The Halle Lectures. Chicago; London: University of Chicago Press, 2005. P. 137–156.
- Ginzburg C.* Microhistory: Two or three things that I know about it // *Critical Inquiry*. Vol. 20, No. 1. Autumn, 1993.
- Gray G.* «A great deal of mischief can be done»: Peter Worsley, the Australian National University, the Cold War and academic freedom, 1952–1954 // *Journal of the Royal Australian Historical Society*. 2015. Vol. 101 (1). P. 25–44;
- Gray G.* «In my file, I am two different people»: Max Gluckman and A.L. Epstein, the Australian National University, and Australian Security Intelligence Organisation, 1958–60 // *Cold War History*. 2020. Vol. 20 (1). P. 59–76;
- Guhr G.* Karl Marx und theoretische Probleme der Ethnographie. Berlin: Akademie Verlag, 1969.
- Hann C.* Nations and Nationalism, Societies and Socialism, Fields and Wars // *The Anthropological Field on the Margins of Europe, 1945–1991* / Eds. C. Hann, A. Boskovic. Berlin: LIT, 2003. P. 1–28.
- Hann C., Sárkány M., Skalník P.* (eds.) Studying Peoples in the People's Democracies: Socialist Era Anthropology in East-Central Europe. Münster: Lit Verlag, 2005.
- Hess M.* Black and Red: The Pilbara Pastoral Workers' Strike. [Электронный ресурс]. 1946. Режим доступа: <http://press-files.anu.edu.au/downloads/press/p72441/pdf/article0812>.

[pdf](#). (дата обращения: 21.11.2021).

- Irving T.* A Death in the Cold War, Childe & the Fatal Lure of Politics. Victoria: Monash University Press, 2020.
- Jagara.* Frederick Engels, Lewis Morgan and the Australian Aborigine. Sydney NSW: Current Books, 1946.
- Joravsky D.* The Lysenko affair. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
- Josephson P.* Introduction. The Stalin Plan for the transformation of nature, and the East European experience // In the Name of the Great Work: Stalin's Plan for the Transformation of Nature and its Impact on Eastern Europe / Ed.D. Olšáková. New York, Oxford: Berghan Books, 2016. P. 1–41.
- Kabo V.* The Road to Australia: the memoirs of Vladimir Kabo. Acton, ACT: Aboriginal Studies Press, 1998.
- Kabo V. R.* Étude de la structure sociale traditionnelle dans l'anthropologie soviétique, hier et aujourd'hui // Cahiers du monde russe et soviétique. 1990. Vol. 31 (2–3). P. 163–170.
- Kan S.A., Arzyutov D. V.* The Saga of the L.H. Morgan Archive or How an American Marxist helped make a bourgeois anthropologist the cornerstone of Soviet Anthropology // Histories of Anthropology Annual. Vol. 10. Nebraska: University of Nebraska Press, 2016. P. 149–220.
- Khazanov A. M.* The Sacralization of Politics // The Sacred in Twentieth Century Politics: Essays in Honour of Professor Stanley G. Payne. Eds. R. Griffin, R. Mallett, J. Tortorice. London: Palgrave Macmillan, 2008.
- Koffer B.* «More a contribution to scholarship than to ideology?» The academic biography of German anthropologist Irmgard Sellnow [Электронный ресурс] // *Bérose — Encyclopédie internationale des histoires de l'anthropologie*. 2019. Paris. Режим доступа: <http://www.berose.fr/article1713.html?lang=fr>. (режим доступа: 05.05.2020).
- Krekovic E., Baca M.* Marxism, Communism and Czechoslovak Archaeology // Anthropologie. 2013. P. 261–270.
- Leacock E.* Inquiry and Debate in the Human Sciences: Contributions // Current Anthropology, 1960–1990. Feb. 1992. P. 232–241.
- Leeuwe de J.* Marxisme in de Culturele Antropologie [Marxism in cultural anthropology]. Assen, The Netherlands: Koninklijke Van Gorcum, 1976.
- Leacock E. et al.* Women's Status in Egalitarian Society: Implications for Social Evolution // Current Anthropology. 1978. Vol. 19 (2). P. 247–275.
- Leontiev L. A.* Political Economy in the Soviet Union // Science & Society. 1944. Vol. 8. No. 2. P. 115–125.
- Lessing D.* Walking in the Shade: Volume two of My Autobiography 1949–1962. London: Harper Perennial, 1998.

- Levi-Strauss C.* Structural Anthropology. N.Y.: Basic Books, 1963.
- Magnusson S.* The life is never over: Biography as a micro-historical approach. London: Routledge, 2017.
- Meister D. R.* The biographical Turn and the case for historical biography [Электронный ресурс] // History Compass. 2017. Vol. 16 (1). Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/hic3.12436>.
- Marx K.* Capital. 1872. Vol. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1867-c1/p2.htm>.
- Monteath P.* The Anthropologist as Cold Warrior: the interesting times of Frederick Rose» // Europe's Expansions and Contractions / Ed.E. Smith. Proceedings of the XVII Biennial Conference of the Australasian Association of European Historians (Adelaide 2009) Unley (South Australia): Australian Humanities Press, 2010.
- Monteath P., Munt V.* Red Professor: The Cold War Life of Fred Rose. Mile End, SA: Wakefield Press, 2015.
- Morgan L. H.* Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress, from Savagery through Barbarism to Civilization. New York: Henry Holt & Co., 1877.
- Munt V.* «Back to the USSR»: Frederick Rose, the «Stalin Criticism» and anthropological theory during the Cold War // Europe's Expansions and Contractions / Ed.E. Smith. Proceedings of the XVII Biennial Conference of the Australasian Association of European Historians (Adelaide 2009). Unley (South Australia): Australian Humanities Press, 2010.
- Munt V.* Australian Anthropology, Ideology and Political Repression: The Cold War Experience of Frederick G. G. Rose // Anthropological Forum. 2011 Vol. 21. P. 109–129.
- Noack K., Krause M.* Ethnographie as a unified anthropological science in the German Democratic Republic // Studying Peoples in the People's Democracies: Socialist era Anthropology in East-Central Europe / Eds. C. Hann, M. Sarkany, P. Skalnik. Berlin/Münster: LIT-Verlag, 2005.
- Olšáková D.* (Ed.) In the Name of the Great Work: Stalin's Plan for the Transformation of Nature and its Impact on Eastern Europe. New York, Oxford: Berghen Books, 2016.
- Price D. H.* Threatening Anthropology: McCarthyism and the FBI's surveillance of Activist Anthropologists. Durham, NC: Duke University Press, 2004.
- Roche S.* Ethnos theory of the 1970s and 80s at the Soviet periphery [Электронный ресурс] // M. Faizulloev Collection, University of Heidelberg, 2017. Режим доступа: https://www.asia-europe.uni-heidelberg.de/fileadmin/Pictures/C_16_Demographic_turn/Soviet_ethnography_text.pdf
- Rogers N.* Lenin's Misreading of Marx's Critique of the Gotha Programme [Электронный ресурс] // Journal of Global Faultlines. 2008. Vol. 4 (2). P. 95–109. Режим доступа: www.jstor.org/stable/10.13169/jglobfaul.4.2.0095. (дата обращения: 10.06.2021).

- Rose F., Jolly A.* An Interpretation of the Taboo between Mother and Son-in-law // *Man*. 1942. Vol. 42 (5). P. 15–16.
- Rose F., Jolly A.* The Place of Aborigines in the Evolution of Society // *Annals of Eugenics*. 1943. Vol. 12 (1). P. 44–87.
- Rose F. G. G.* The Classification of Kin, Age Structure and Marriage amongst the Groote Eylandt Aborigines: A study in method and a theory of Australian kinship. Berlin: Akademie-Verlag, 1960.
- Sellnow I. et al.* (Eds.). *Weltgeschichte bis zur Herausbildung des Feudalismus*. Berlin, 1977.
- Service R.* A History of Modern Russia: From Nicholas II to Putin. London: Penguin, 2009.
- Skalnik P.* Gellner's Encounter with Soviet Ethnografia // *Social Evolution & History*. 2003. Vol. 2. No. 2. P. 177–193.
- Slezkine Y.* The Fall of Soviet Ethnography // *Current Anthropology*. 1991. Vol. 32. P. 476–484.
- Sokolovskiy S.* Anthropology and Ethnology in Russia: Draft Case Report // *Anthropology in Spain and Europe*. International Congress: Madrid. September 2–7, 2008.
- Sokolovskiy S.* Anthropology in Russia; Tradition vs. Paradigm Shift // *European Anthropologies* / Eds. A. Barrera-González, M. Heintz, A. Horolets. N.Y.: Berghahn Books, 2017. P. 85–109.
- Sokolovskiy S.* In a Zeitnot: Notes on the state of Russian Anthropology. Summary // *Laboratorium*. 2011. Vol. 3 (2). P. 137–144.
- Stedman Jones G.* Introduction and notes to: Karl Marx and Friedrich Engels. The Communist Manifesto (1888). London: Penguin Books, 1967; 2002.
- Takakura H.* Indigenous intellectuals and suppressed Russian anthropology: Ethnography from the end of the Nineteenth Century to the 1930s // *Current Anthropology*. 2006. December. Vol. 47 (6). P. 1009–1016.
- Tumarkin D. D.* A Russian View of Hawaii in 1804 // *Pacific Studies*. Spring 1979. Vol. 11 (2). P. 100–131.
- Tumarkin D. D.* English translation *Miklouho-Maclay N.*: Travels to New Guinea, Diaries, Letters, Documents, compiled with a Foreword and Commentary. Moscow: Progress, 1982.
- Turner D. H.* Tradition and transformation: a study of the Groote Eylandt area aborigines of northern Australia // *Australian aboriginal studies*. No. 53. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1974.
- Turner D. H.* The concept of kinship: some qualifications based on a re-examination of the Australian data. Leiden: Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde, 1977.

Turner D. H. *Leiden anthropology and the reinterpretation of Australian Aboriginal social organization*. Leiden: Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde, 1980.

Turner D. H. *Australian aboriginal social organization*. Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press, 1981.

Turner D. H. *Life to the Power of Nothing* (expanded edition). Oakville Ontario: Rock's Mills Press, 2021.

Worsley P. *An Academic Skating on Thin Ice*. New York, Oxford: Berghahn Books, 2008;

Worsley P. *The Trumpet Shall Sound*. 2nd edition. N.Y.: Schocken, 1968 [1957].

Research Article

Munt, Valerie. Reading between the lines: Frederick Rose and Soviet ethnography during the Cold War: A micro-history [Chitaia mezhdru strok: Frederik Rouz i sovetstvaia etnografiiia vremen kholodnoi voyny]. *Anthropologies*, 2022, no 2, pp. 87-128 doi 10.33876/2782-3423/2022-2/87-128

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Valerie Munt | College of Humanities, Arts, and Social Sciences, Flinders University of South Australia | <https://orcid.org/0000-0003-2420-748X> | valerie.munt@flinders.edu.au

Keywords: Frederick G. G. Rose; Soviet Ethnography; GDR; Marxism-Leninism; Anthropology; Cold War; Daniil. D. Tumarkin; CPA.

Abstract

This paper revisits the academic life-world of the communist anthropologist Frederick G. G. Rose (1915–1991) whose biography was published in 2015. It is in the form of a micro-history of the academic milieu Rose occupied within the former Soviet bloc in the Cold War years 1956–1989. In light of recent publications in Russia, the directions that Soviet ethnography was taking at the time have become clearer, raising new questions about certain archival gaps and omissions in Rose's documents. Distrust and surveillance were omnipresent in Soviet academic institutions, so as an outsider from the West, Rose employed a «tactical» approach to both manage his academic existence and pursue an individual Marxist path under a communist dictatorship where the official state ideology was the doctrine known as «Marxism — Leninism».

References

Alymov, S. 2009. Kosmopolitizm, marrizm i prochie «grekhi»: otechestvennye etnografy i arheologi na rubezhe 1940–1950-h godov [Cosmopolitanism, marrizm and other «sins»: Russian ethnographers and archeologists in the late 1940s — early 1950s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 97, 3: 7–36.

Alymov, S. 2014. Ethnography, Marxism, and Soviet Ideology. *An Empire of Others: creating ethnographic knowledge in Imperial Russia and the USSR*, R. Cvetkovski, A. Hofmeister, eds. Budapest; N.Y.: Central European University Press.

- Alymov, S. 2011. On the Soviet Ethnography of the Soviet Life: The case of the «Village of Viriatino». *Histories of Anthropology Annual*: 23–48.
- Alymov, S., Sokolovskiy, S. 2018. Russia, Anthropology. *The International Encyclopaedia of Anthropology*, H. Callan, eds. John Wiley and Sons Ltd. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/978111892434396>. (accepted: 12.04.2020).
- Artemova, O. Yu. 2004. Hunter-Gatherer Studies in Russia and the Soviet Union, *Hunter-Gatherers in History, Archaeology and Anthropology*, A. Barnard, ed. Oxford; New York: Berg: 88.
- Arzyutov, D.V., Kan, S.A. 2007. The Concept of the «Field» in Early Soviet Ethnography: A Northern Perspective. *Sibirica*, 16, 1: 31–74.
- Barnett, A., Bielski, N. 1988. Jealousy. *Soviet Freedom*. London, Picador, Pan Books: 81–82.
- Bondarenko, D.M., Korotayev, A.V. 2003. *In Search of a New Academic Profile: Teaching Anthropology in Contemporary Russia*. URL: https://www.researchgate.net/publication/220038674_In_Search_of_a_New_Academic_Profile_Teaching_Anthropology_in_Contemporary_Russia (accepted: 03.04.2020).
- Boramen, T. 2016. A Review of Red Professor: The Cold War life of Fred Rose by Monteath, P., Munt, V. *The Journal of Pacific History*, 51, 1: 103–104.
- Čapo, J. 2014. Ethnology and Anthropology in Europe Towards a Trans-National Discipline. *Cultural Analysis*, 13: 51–76.
- Conner, C. 1980. Evolution vs. Creationism: in defense of scientific thinking. *International Socialist Review (monthly magazine supplement to the Militant)*. November, 12.
- Cookson, M. 2013. Last Post for Peter Worsley (1924–2013) URL: <http://pacificinstitute.anu.edu.au/outtrigger/2013/03/21/last-post-for-peter-worsley/>. (accepted: 05.05.2020).
- Denham, W. 2012. Kinship, Marriage and Age in Aboriginal Australia. *Mathematical Anthropology and Cultural Theory: An International Journal*. May, 4, 1. URL: http://mathematicalanthropology.org/Pdf/MACT_Denham_0512.pdf.
- Dening, G. 1996. *Performances*, Chicago: University of Chicago Press.
- Drachewych, O., McKay, I. (Eds.). 2019. *Left transnationalism: The Communist International and the national, colonial and racial questions*. Montreal & Kingston; London & Chicago: McGill-Queens University Press.
- Dragadze, T. 1984. *Kinship and Marriage in the Soviet Union: Field Studies*. London; Boston: Routledge & Kegan Paul.
- Engels, F. 1960. Anti-Dyuring. *Perevorot v nauke, proizvedennyi gospodinom Evgeniem Dyuringom [Anti- Dühring. Herr Eugen Dühring's Revolution in Science]*. M.: Progress,
- Eriksen, T.H., Neilsen, F.S., Eds. 2001. *A History of Anthropology*, England: University of

- Michigan Pluto Press.
- Fitzpatrick, S. 2008. Revisionism in Retrospect: A Personal View. *Slavic Review*, 67, 3: 682–704.
- Foucault, M. 1975 *Surveiller et Punir Naissance de la Prison* [Monitor and Punish Birth from Prison]. Paris: Gallimard.
- Foucault, M. 1963. *The Birth of the Clinic: An Archaeology of Medical Perception*, Routledge: Abington, Oxfordshire UK.
- Foucault, M. 1961. *Folie et Dérison: Histoire de la folie à l'âge classique* [Madness and Unreason: The history of madness in the classical age]. Paris: Plon.
- Fitzpatrick, S. 2015. Review of Red Professor, the Cold War Life of Fred Rose by Peter Monteath and Valerie Munt» Monteath, P., Munt, V. *Australian Book Review*, October, 375.
- Gingrich, A. 2005. One Discipline, Four Ways: British, German, French, and American Anthropology (with F. Barth, R. Parkin, S. Silverman). *The Halle Lectures*. Ch.5, Chicago; London: University of Chicago Press: 137–156.
- Ginzburg, C. 1993. Microhistory: Two or three things that I know about it. *Critical Inquiry*, 20, 1. Autumn.
- Gray, G. 2015. «A great deal of mischief can be done»: Peter Worsley, the Australian National University, the Cold War and academic freedom, 1952–1954. *Journal of the Royal Australian Historical Society*, 101, 1: 25–44.
- Gray, G. 2020. «In my file, I am two different people»: Max Gluckman and A.L. Epstein, the Australian National University, and Australian Security Intelligence Organisation, 1958–60. *Cold War History*, 20, 1: 59–76.
- Guhr, G. 1969. *Karl Marx und theoretische Probleme der Ethnographie*. Berlin: Akademie Verlag.
- Hann, C. 2003. Nations and Nationalism, Societies and Socialism, Fields and Wars. *The Anthropological Field on the Margins of Europe, 1945–1991*. C. Hann, A. Boskovic, eds. Berlin: LIT: 1–28.
- Hann, C., Sárkány, M., Skalník, P. (eds.). 2005. *Studying Peoples in the People's Democracies: Socialist Era Anthropology in East-Central Europe*. Münster: Lit Verlag.
- Hess, M. 1946. *Black and Red: The Pilbara Pastoral Workers' Strike*. URL: <http://press-files.anu.edu.au/downloads/press/p72441/pdf/article0812.pdf>. (accepted: 21.11.2021).
- Irving, T. 2020. *A Death in the Cold War, Childe & the Fatal Lure of Politics*. Victoria: Monash University Press.
- Jagara. 1946. *Frederick Engels, Lewis Morgan and the Australian Aborigine*. Sydney NSW: Current Books.

- Joravsky, D. 1970. *The Lysenko affair*. Chicago: University of Chicago Press.
- Josephson, P. 2016. Introduction: The Stalin Plan for the transformation of nature, and the East European experience. In *In the Name of the Great Work: Stalin's Plan for the Transformation of Nature and its Impact on Eastern Europe*. D. Olšáková, ed. N.Y., Oxford: Berghan Books.
- Kabo, V. 1998. *The Road to Australia: the memoirs of Vladimir Kabo*. Acton, ACT: Aboriginal Studies Press.
- Kabo, V.R. 1990. Étude de la structure sociale traditionnelle dans l'anthropologie soviétique, hier et aujourd'hui. *Cahiers du monde russe et soviétique*, 31, 2–3: 163–170.
- Kan, S.A, Arzyutov, D.V. 2016. The Saga of the L.H. Morgan Archive or How an American Marxist helped make a Bourgeois anthropologist the cornerstone of Soviet Anthropology. *Annual*. Nebraska: University of Nebraska Press: 149–220.
- Khazanov, A.M. 2008. The Sacralization of Politics. *The Sacred in Twentieth Century Politics: Essays in Honour of Professor Stanley G. Payne*. R. Griffin, R. Mallett, J. Tortorice, eds. London: Palgrave Macmillan.
- Koffer, B. 2019. «More a contribution to scholarship than to ideology?» *The academic biography of German anthropologist Irmgard Sellnow*. URL: <http://www.berose.fr/article1713.html?lang=fr>. (accepted: 05.05.2020).
- Krekovic, E., Baca, M. 2013. Marxism, Communism and Czechoslovak Archaeology. *Anthropologie*: 261–270.
- Leacock, E. 1992. Inquiry and Debate in the Human Sciences: Contributions. *Current Anthropology*, 1960–1990, Feb.: 232–241.
- Leacock, E. 1978. Women's Status in Egalitarian Society: Implications for Social Evolution. *Current Anthropology*, 19, 2.
- Leeuwe de, J. 1976. *Marxisme in de Culturele Antropologie* [Marxism in cultural anthropology]. Assen: Koninklijke Van Gorcum.
- Leontiev, L.A. 1944. Political Economy in the Soviet Union. *Science & Society*, 8, 2: 115–125.
- Lessing, D. 1998. *Walking in the Shade: Volume two of My Autobiography 1949–1962*. London: Harper Perennial.
- Levi-Strauss, C. 1963. *Structural Anthropology*. N.Y.: Basic Books.
- Magnusson, S. (ed.). 2017. *The life is never over: Biography as a micro-historical approach*. London: Routledge.
- Meister, D.R. 2017. The biographical Turn and the case for historical biography. *History Compass*. URL: <https://doi.org/10.1111/hic3.12436>.

- Marx, K. 1872. *Capital*. Vol. 1. URL: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1867-c1/p2.htm>.
- Monteath, P. 2010. The Anthropologist as Cold Warrior: the interesting times of Frederick Rose». *Europe's Expansions and Contractions*. Proceedings of the XVII Biennial Conference of the Australasian Association of European Historians (Adelaide 2009), E. Smith, ed. Unley (South Australia): Australian Humanities Press.
- Monteath, P., Munt, V. 2015. *Red Professor: The Cold War Life of Fred Rose*. Mile End, SA: Wakefield Press.
- Morgan, L.H. 1877. *Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress, from Savagery through Barbarism to Civilization*. N.Y.: Henry Holt & Co.
- Munt, V. 2010. «Back to the USSR»: Frederick Rose, the «Stalin Criticism» and anthropological theory during the Cold War // *Europe's Expansions and Contractions* / Ed.E. Smith. Proceedings of the XVII Biennial Conference of the Australasian Association of European Historians (Adelaide 2009). Unley (South Australia): Australian Humanities Press.
- Munt, V. 2011. Australian Anthropology, Ideology and Political Repression: The Cold War Experience of Frederick G. G. Rose. *Anthropological Forum*, 21: 109–129.
- Noack, K., Krause, M. 2005. Ethnographie as a unified anthropological science in the German Democratic Republic. *Studying Peoples in the People's Democracies: Socialist era Anthropology in East-Central Europe*, C. Hann, M. Sarkany, P. Skalnik, eds. Berlin; Münster: LIT-Verlag.
- Oľšáková, D. (Ed.) 2016. *In the Name of the Great Work Stalin's Plan for the Transformation of Nature and its Impact on Eastern Europe, «The Stalin Plan for the Transformation of Nature, and the East European Experience»*: Introduction, by Josephson. New York, Oxford: Berghan Books.
- Price, D.H. 2004. *Threatening Anthropology: McCarthyism and the FBI's surveillance of Activist Anthropologists*. Durham, NC: Duke University Press.
- Roche, S. 2017. Ethnos theory of the 1970s and 80s at the Soviet periphery, M. Faizulloev Collection, University of Heidelberg. URL: https://www.asia-europe.uni-heidelberg.de/fileadmin/Pictures/C_16_Demographic_turn/Soviet_ethnography_text.pdf
- Rogers, N. 2008. Lenin's Misreading of Marx's Critique of the Gotha Programme. *Journal of Global Faultlines*, 4, 2: 95–109. URL: www.jstor.org/stable/10.13169/jglobfaul.4.2.0095.
- Rose, F., Jolly, A. 1942. An Interpretation of the Taboo between Mother and Son-in-law. *Man*, 42, 5: 15–16.
- Rose, F., Jolly, A. 1943. The Place of Aborigines in the Evolution of Society. *Annals of Eugenics*, 12, 1: 44–87.
- Rose, F.G.G. 1960. *The Classification of Kin, Age Structure and Marriage amongst the Groote Eylandt Aborigines: A study in method and a theory of Australian kinship*. Berlin: Akademie-Verlag.

- Sellnow, I. et al. (Eds.). 1977. *Weltgeschichte bis zur Herausbildung des Feudalismus*. Berlin.
- Service, R. 2009. *A History of Modern Russia: From Nicholas II to Putin*. London: Penguin.
- Skalnik, P. 2003. Gellner's Encounter with Soviet Ethnografia, *Social Evolution & History*, 2, 2: 177–193.
- Slezkine, Y. 1991. The Fall of Soviet Ethnography. *Current Anthropology*, 32: 476–484.
- Sokolovskiy, S. 2008. Anthropology and Ethnology in Russia: Draft Case Report. *Anthropology in Spain and Europe. International Congress: Madrid*. September 2–7.
- Sokolovskiy, S. 2017. Anthropology in Russia; Tradition vs. Paradigm Shift. *European Anthropologies*, A. Barrera-González, M. Heintz, A. Horolets, eds. N.Y.: Berghahn Books.
- Sokolovskiy, S. 2011. In a Zeitnot: Notes on the state of Russian Anthropology. Summary. *Laboratorium*, 3, 2: 137–144.
- Soviet Historical Encyclopedia*: In 16 Volumes. 1961–1976. Moscow: State Scientific Publishing House «Soviet Encyclopedia».
- Stalin, I.V. 1950. Marxism and the Problems of Linguistics. *Pravda*, June 20, July 28, August 2nd. <http://www.marx2mao.com/Stalin/ML50.html>
- Stedman Jones, G. 1967; 2002. Introduction and notes to *The Communist Manifesto* (1888). London: Penguin Books.
- Takakura, H. 2006. Indigenous intellectuals and suppressed Russian anthropology: Ethnography from the end of the Nineteenth Century to the 1930s. *Current Anthropology*, 47, 6: 1009–1016.
- Tishkov, V.A., Tumarkin, D.D., eds. 2004. Nikolai Nikolaevich Cheboksarov: portret uchenogo v kontekste ego vremeni [Nikolai Nikolaevich Cheboksarov: a portrait of a scholar in the context of his time]. *Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologii XX veka*. M.: Nauka: 358–396.
- Tumarkin, D.D. 1979. A Russian View of Hawaii in 1804. *Pacific Studies*, 11, 2: 100–131.
- Tumarkin, D.D. 1982. *English translation Miklouho-Maclay N.: Travels to New Guinea, Diaries, Letters, Documents, compiled with a Foreword and Commentary*. Moscow: Progress Publishers.
- Tumarkin, D.D. 2018. «O Tamo, Kaye!» *Memoirs and Thoughts of a Traveling Scientist*. Moscow: Nauka Vostochnaya Literatura.
- Tumarkin, D.D. 2004. *Repressirovannye Etnografy: Vypusk Dva* [Repressed ethnographers. Vol. 2]. Moscow: Vostochnaia Literatura; 2nd edition.
- Turner, D.H. 1974. Tradition and transformation: a study of the Groote Eylandt area aborigines of northern Australia. *Australian aboriginal studies*, 53. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies.

- Turner, D.H. 1977. *The concept of kinship: some qualifications based on a re-examination of the Australian data*. Leiden: Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde,;
- Turner, D.H. 1980. *Leiden anthropology and the reinterpretation of Australian Aboriginal social organization*. Leiden: Koninklijk Institut voor Taal-, Land- en Volkenkunde.
- Turner, D.H. 1981. *Australian aboriginal social organization*. Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press.
- Turner, D. 2021. *Life to the Power of Nothing (revised and expanded edition)*. Oakville Ontario: Rock's Mills Press.
- Worsley, P. 2008. *An Academic Skating on Thin Ice*. N.Y., Oxford: Berghahn Books.
- Worsley, P. 1968 [1957]. *The Trumpet Shall Sound*. 2nd edition. N.Y.: Schocken.

